

DAR ANNE

18+

ОДИН ГОД
ЖИЗНИ

Anne Dar

Один год жизни

Серия «Годы жизни», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67259720

SelfPub; 2023

Аннотация

Глория Пейдж всю жизнь стремилась вырваться из провинциального городка, чтобы в итоге добровольно в него вернуться. У Глории всегда были цели, которых она непременно достигала, и она наверняка знала, чего хочет от своей жизни. Неожиданно для самой себя ей приходится изменить русло своей целеустремленности, определяющее её будущее. Карьера терапевта откладывается на неопределенный срок для поиска работы в глухом городке. Долгое время не окончившая университет студентка не может найти себе место, пока однажды удача не улыбается девушке кривой улыбкой. Неожданное везение оборачивается знакомством с мальчиком по имени Мартин...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9	73
Глава 10	84
Глава 11	93
Глава 12	106
Глава 13	114
Глава 14	122
Глава 15	129
Глава 16	135
Глава 17	142
Глава 18	148
Глава 19	163
Глава 20	168
Глава 21	182
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Anne Dar

Один год жизни

Глава 1

Когда я была еще совсем маленькой, я, в попытке покорить диких уток, чуть не утонула в пруду, находящемся за нашим домом. На самом деле я смутно помню тот момент, но с тех пор я начала бояться любой жидкости, в которой можно было бы хоть как-то умудриться утонуть. Впредь к пруду я больше не подходила более чем на триста метров, потому как он стал для меня символом смерти. И хотя с каждым годом пруд становился всё мельче, а утки в нём всё упитаннее, я, к своим двадцати двум годам, так и не научилась плавать.

Однако приобретенная мной в детстве аблутофобия* никак не влияла на мою любовь к дождливым дням и особенно вечерам (*Боязнь плавать). Конечно я никогда не была мазохисткой, обожающей гулять под дождем, любящей возвращаться домой после тяжелого дня с промокшими ногами или бежать по грязным городским лужам в тщетной попытке остановить свободное такси. Я скорее всегда была из тех многих, кто обожает во время дождей смотреть в окно, за которым начинают сгущаться осенние сумерки, и, согрева-

ясь теплой чашкой кофе, думать о чем-то своем, далеком и непонятном даже для самих себя. Сегодня был именно такой вечер – вечер, когда капли дождя, отскакивающие от крыши нашего небольшого, старого, двухэтажного домика, заставляли мою душу расслабиться под звучанием ненавязчивой, вибрирующей тяжести своего падения.

Две недели назад, после неполного четырехлетнего обучения в одном из лучших университетов страны, я вернулась из столицы в родной городок, который резко отличался своим размеренным темпом жизни от пульсирующего ритма мегаполиса. Я почти отучилась на терапевта и мечтала в ближайшем будущем стать дипломированным специалистом, но в свете последних событий не могла позволить себе платное обучение. В итоге мне пришлось бросить учебу и продолжить жить с тягостной надеждой на то, что со временем у меня получится восстановиться в университете.

Коротко о моей семье. Мой отец, брюнет с большими ярко-голубыми глазами и средним телосложением, отличался своим необычным чувством юмора, которое зачастую лишь отражало суровую реальность окружающего его мира, и страстием к вкусному ужину, что почти не отражалось на его плотной фигуре. За свою жизнь он освоил две профессии: вальцовщик стана горячей прокатки и радиомеханик. После десяти лет на металлургическом заводе, второе место работы казалось для него манной небесной, которой он опасался лишиться последние полгода, в связи с массовыми сокраще-

ниями, связанными с фактическим разорением его работодателя. За минувшую зиму было уволено пятьдесят человек из семидесяти восьми и уже ни для кого не было секретом, что до конца весны фирма отца испустит последний вздох. Но об этом в нашей семье негласно договорились молчать, дабы не думать о, и без того плачевной, финансовой ситуации нашего очага.

Мою мать можно определить в разряд опытных домохозяек, которые с закрытыми глазами способны одновременно кормить ребенка, гладить рубашку и решать вопрос с коммунальными платежами. Сначала она трепетала над своими четырьмя детьми, затем появились внуки и дедушка с бабушкой. Так она навсегда осталась вечной домохозяйкой, полностью довольная своей должностью женщины, на которой, в буквальном смысле, держится весь дом. Вставая в шесть утра, чтобы приготовить завтрак для домочадцев и ложась в десять часов, после финальной глажки белья или протирания пыли, мама всегда всё успевала.

Она никогда не была пышной женщиной, однако за последние месяцы совершенно похудела от свалившихся на нашу семью проблем. На волосах появилась первая седина, которую она тщательно замаскировала дешевой краской цвета коньяка, вокруг глаз проступили новые морщинки, а в глазах начала отражаться первая за всю жизнь усталость.

Мой старший брат, Дэниел, в отличие от меня, совершенно не представлял, чего хочет от своей жизни. Если я мечта-

ла выучиться, получить диплом и сделать успешную карьеру медика, тогда он мечтал просто прожить очередной день, не сломав себе при этом шею. Жаль, что в итоге у него это не получилось. Когда ему было двадцать, он заявился домой с новостью о том, что готовится стать отцом. До сих пор помню, каким шоком стала эта новость для нашей семьи. И не столько потому, что парню было всего два десятка от роду, он не имел образования и зарабатывал копейки, работая водителем, сколько потому, что матью его ребенка собиралась стать семнадцатилетняя Линда Фейн, еще даже не окончившая A-levels* (*Программа подготовки к поступлению в университеты Англии). Родители не успели проглотить эту новость не поперхнувшись, как уже через неделю к нам, на постоянное место жительства, переехала будущая мать моих племянников, которая была всего на год старше меня. Она заселилась в спальню брата, поэтому ни я, ни мои сестры не встали на дыбы, из-за нашего притеснения на собственных квадратных метрах и, в итоге, мы неплохо ужились под одной крышей.

Линда запомнилась мне тихой девушкой – намного тише, чем я или мои сестры. Она обладала мягкими, светло-русыми волосами до лопаток и невероятно быстро растущим животом. Родители сразу с нейладили, так как всерьез считали, будто девушка в буквальном смысле пострадала от домогательств со стороны их старшего недотепы.

Линду нельзя было назвать умной, но и глупой она тоже

не была. Её смело можно было отнести в разряд “простых” девушек, любящих пожевать корочку лимона и послушать сплетни о соседях. Её родственники, живущие в соседнем городе, выгнали девушку из дома сразу после того, как узнали о том, что она залетела. Это было неудивительно – Линда была далеко не из обеспеченной семьи, в которой помимо нее воспитывалось еще два ребенка. В итоге её родители долго со сгруппившей девчонкой не церемонились, молниеносно выставив её на улицу.

Первые две недели, из-за острого токсикоза, Линда почти не выходила из своей спальни. Затем токсикоз сменился зверским аппетитом и к пятому месяцу, когда родители повели её на второе УЗИ, мы все уже всерьез верили в то, что её невероятно большой для своего срока живот – это всего лишь следствие активного поглощения углеводов. По словам мамы, когда наш отец узнал, что Линда беременна двойней – он с минуту немой стоял с выпученными глазами. Безусловно, все радовались подобной новости, тайком от Линды подсчитывая сбережения на черный день и экономя мелочь на проезд. Один младенец – это большое счастье, два младенца – это слишком большое счастье, с которым ближайшие несколько лет, едва ли не единолично, предстояло справляться родителям отца ребенка.

Родители моего отца в нашей семье являлись эталоном по-настоящему сильной любви. Такое редко случается, но дедушка с бабушкой родились в один день с разницей в пять

лет. Они познакомились, когда бабушке было всего восемнадцать, но она уже буквально болела мечтой стать фотомоделлю. Именно с этой целью она пришла к молодому, но к тому времени уже весьма преуспевшему фотографу, Кристоферу Пейджу. Именно он сначала сделал её фотомоделлю, затем сделал ей предложение руки и сердца, и, уже после её согласия, сделал ей ребенка. Так в свои двадцать лет моя бабушка успела стать узнаваемой личностью, любимой женой и любящей матерью.

Вскоре после рождения моего отца, молодая семья переехала в этот город, влюбилась в него и добровольно решила навсегда в нем застрять. По неизвестным причинам, дети у пары больше не рождались, поэтому их безумно радовал факт наличия четверых внуков и они приходили в полный восторг от приближающегося рождения сразу двух правнуков.

На фоне возвышенной любви дедушки и бабушки отношения моих родителей выглядели более потертыми, хотя, в отличие от стариков, они прожили вместе “лишь” двадцать восемь лет. Скорее всего, так получилось потому, что у них было больше детей, больше обязанностей и меньше времени на себя. Но они были неплохой парой. Отец постоянно подшучивал над мамой, а мама постоянно “гоняла” его за разбросанные вещи и ставки на скачки. Они ссорились пару раз в год, и-то потому, что так положено в долгой супружеской жизни. Родители никогда не шушукались между собой, в по-

пытках выразить нежные чувства друг к другу, как это иногда делали Дэниел и Линда, которые регулярно ссорились по мелочам ровно один раз в неделю и лишь изредка проявляли “любовь” на людях. Со стороны эта молодая пара вообще выглядела так, будто она держится на куда более обыденных вещах, нежели любовь. Например, на подаче воды друг другу или массаже ног.

За семь месяцев Дэниел так и не смог найти хорошо оплачиваемую работу и купить в наследство своим детям нечто большее, нежели пару синих и розовых пинеток. Не то чтобы он не мог изменить хотя бы финансовую сторону своей жизни, просто он даже не пытался. Со стороны казалось, будто Линда уже устала ожидать чуда. В её взгляде появились нотки отстраненности и безразличия к своему избраннику, пока в её животе просыпался всё больший голод. Однако не только Линда – все видели, что Дэниел слишком несамостоятельный для отцовства и слишком страдающий юношеским максимализмом, чтобы хотя бы попытаться взять себя в руки. На этом фоне родители частенько пытались вставить в черепную коробку моего брата хотя бы подобие мозга. В основном это происходило, когда Дэниел тратил деньги на пиво, пытался прогулять работу или забывал купить фрукты для Линды. Зачастую всё заканчивалось ссорами, из-за чего обстановку в доме, на тот момент, сложно было назвать спокойной. Дэниел никогда не был примерным сыном, братом или мужем и тем более не собирался становиться иде-

альным отцом лишь потому, что однажды не сумел правильно воспользоваться контрацептивом. Картина была плачевной и именовалась она “Расхлёбанный отец с женой-малолеткой”.

В конце июля Дэниел взял отцовский автомобиль, чтобы съездить с Линдой на запланированное обследование, так как её срок беременности подходил к концу. Лондон расположился не так далеко от нашего городка и брат настоял на том, что сопроводит Линду самостоятельно, без родительской опеки. В конце концов, он работал водителем, что могло произойти?

Они задержались в Лондоне из-за очередного набега Линды на всевозможные бистро, поэтому возвращались домой поздней ночью. Как позже выяснилось, причиной аварии стал бесхозный пони, выбежавший на проезжую часть. По заключению экспертизы, Дэниел пытался вывернуть руль, что привело к перевороту машины при съезде в кювет. Автомобиль буквально впечатался в дерево, что усугубило ситуацию. Авария была обнаружена не сразу, из-за чего скорая помощь прибыла лишь спустя час. После того, как paramedics зафиксировали смерть Дэниела, у Линды был обнаружен слабый пульс. Если бы скорая помощь оказалась на месте чуть раньше, возможно её смогли бы спасти. Смерть Линды была зарегистрирована в 23.56. В 00:01 из нее буквально вырезали мальчика и, спустя полминуты, девочку. После этого события наша семья изменилась навсегда.

Глава 2

В детстве мы всегда ссорились. Дэниел постоянно нас задира, Эмилия, хотя и была всего на два года старше меня, всегда отбирала у меня игрушки, а я, в свою очередь, отнимала игрушки у Тэмми, которой не повезло родиться спустя два года после меня. Если честно, до сих пор не понимаю, что именно сподвигло моих родителей завести четверых детей подряд, с разницей рождения всего в два года. Более чем уверена в том, что я на такое никогда не решусь.

После смерти Дэниела пыл между мной и сестрами словно утих и, если раньше мы ссорились каждый день, сейчас мы начали ограничиваться одной ссорой в месяц. Отец, ранее выглядевший на пять лет моложе своего возраста, вдруг постарел до своих лет, мама стала так тихо передвигаться по дому, словно лишилась своего веса, а нас с сестрами словно контузило первой в этой жизни потерей.

Как выразились врачи, нам еще повезло – дети не просто выжили, они остались совершенно невредимыми после подобного месива. Двойняшки появились на свет недоношенными, поэтому некоторое время провели в местной поликлинике, в инкубаторах, днями и ночами находясь под бдительным наблюдением врачей. Когда же пришло время забирать детей домой, родители всё еще не отошли от шокового

состояния. В тот день мама снова не смогла встать с кровати, поэтому за детьми отправился отец с дедушкой и бабушкой, а мне с Тэмми пришлось заниматься самым страшным. Перед уходом отец виновато на меня посмотрел, но я понимала, что заставлять его это делать — слишком несправедливо. От Эмилии можно было не ждать помощи, так как она наотрез отказалась принимать в этом участие и отправилась на очередное собеседование, по итогам которого позже стала секретарем.

Помню, как Тэмми исступленно смотрела на меня, стоя на пороге спальни Дэниела, не в силах заставить себя переступить порог, отчего самую мучительную часть работы мне пришлось выполнять самостоятельно. Я буквально швыряла вещи брата и Линды в огромные картонные коробки, почти не пытаясь хоть как-нибудь их отсортировать. Быть в комнате брата спустя всего лишь две недели со дня его смерти было тяжело, но дотрагиваться до его вещей было просто невыносимо. Тэмми нервно наблюдала за тем, как я с остервенением металась по комнате, хватаясь за фоторамки, книги и духи Линды, как швыряла в коробки носки, компакт-диски и бейсбольные мячи Дэниела. Она терпеливо поправляла неровно уложенные рубашки, после чего подписывала коробки черным маркером: “Одежда”, “Постельное белье”, “Книги и канцелярские принадлежности”, “Мелочи”... Мы должны были успеть справиться с “очищением” комнаты за полтора часа, но, благодаря моей поспешности, мы смог-

ли уложиться в час: укомплектованные картонные коробки были подняты на чердак и оставлены в самом дальнем углу; разложенная тахта, которая прежде служила кроватью для Дэниела и Линды, не без труда была сложена пополам; все необходимые принадлежности для младенцев (от памперсов и присыпок, до влажных салфеток и игрушек) были разложены в новом комоде, который отец купил накануне вечером; две колыбельные кровати, которые дедушка собрал за пару дней до трагедии, были заправлены чистым постельным бельем...

Начались бессонные ночи.

В первую же ночь мы поняли, что не справляемся с малышами. Мама до сих пор не пришла в себя от шока, папа тоже не до конца понимал, что с ним происходит, Эмилия твердила, что ей необходимо выспаться перед первым рабочим днем и вскоре вообще отказалась принимать во всем этом “балагане” участие. Тэмми же смотрела на всё округлившимися глазами и спустя два часа полноценной борьбы окончательно сдалась, отправившись спать, в то время как я пыталась успокоить сразу трех детей – Дина, Элис и папу.

Около четырех часов утра, по призыву папы, к нам явились дедушка с бабушкой, которые буквально спасли ситуацию. Следующую неделю старики ни на шаг не отходили от правнуков. Они были настоящим тандемом, умело делая всё в паре – от замены памперсов, до кормления младенцев.

Их изредка подменяла только я – единственная, кто не игнорировал, или не имел причин игнорировать вопли двойняшек. Чуть позже подключилась и рассыпающаяся от горя мама. В этот момент дедушка с бабушкой решили на некоторое время отстраниться от помощи с младенцами, посчитав, что мама быстрее придет в норму, как только начнет самостоятельно заниматься внуками. В итоге, мама с каждым днем всё больше и больше втягивалась в работу с детьми, и я понемногу начала отходить от состояния вынужденной бессонницы. Вскоре мама и вправду обрела во внуках новую волю к жизни, но прежде чем она это осознала, мне пришлось провести еще один месяц без сна и покоя.

Я и прежде не была сильна в учебе, так что не было ничего удивительного в том, что последние два месяца не самым лучшим образом повлияли на статистику моих оценок. Хорошо, что в шестнадцать лет, вещи вроде подтягивания спортивных показателей или изучение французского даются гораздо легче, чем в тридцать. Я не только снова нагнала свои прежние показатели, но и подняла их на двадцать один процент. После всего, что я увидела за прошедший год (несовершеннолетняя беременность Линды, смерть брата, рёв младенцев), я с уверенностью пошла к поставленной перед собой цели, с болтающимся на ней ярлыком, на котором курсивом было выведено слово “Независимость”. Прежняя мечта поступить в университет впервые стала реальной миссией. Мне с детства сложно давалась учеба, но в старших классах

я изо дня в день трудилась на школьной скамье и мои труды постепенно начали приносить плоды. За следующие два года я поднатаскалась по базовым предметам и, в итоге, смогла поступить на терапевтическую кафедру, на которой денно и нощно грызла гранит науки.

Всё шло по плану, пока не объявилась мать Линды с громким заявлением о том, что желает усыновить двойняшек. С этого момента между нами начались дорогостоящие судебные тяжбы. Почти весь семейный бюджет уходил на немощного адвоката, но другого мы просто не могли себе позволить. В итоге дедушка с бабушкой переехали к нам, чтобы сдавать свою двухкомнатную квартиру по неоправданно-низкой цене, так как в нашем городе в принципе сложно сдать в аренду то, что превышает размер десяти квадратных метров, а мне пришлось покинуть университет, так как я больше не могла себе позволить оплачивать обучение. Во время учебы я работала в ночной забегаловке, но мои доходы не могли покрыть и половину стоимости моего обучения за год, из-за чего большую часть денег мне приходилось брать у родителей. Именно поэтому я сделала вид, словно ушла из университета по собственному желанию. Родители, конечно, вздыхали для приличия, но в их вздохах больше слышалось благодарное облегчение, нежели настоящее сожаление. Зарплата отца покрывала коммунальные платежи и непредвиденные расходы вроде пластыря на разбитые колени Дина или новые сандалии для Элис. Пенсия стариков плюс день-

ги за сдачу их квартиры уходили на тяжбы в суде и юридические вопросы. Небольшой же заработок Эмилиии делился на нужды самой Эмилиии и мелкие потребности семьи, после чего у нас оставалась только мизерная зарплата Тэмми, которая подрабатывала горничной в местном четырехзвездочном отеле – эти деньги уходили на пропитание семьи из девяти человек. Мы в буквальном смысле сводили концы с концами ради того, чтобы наших двойняшек не отобрала незнакомка, которая, в свое время, не побоялась вышвырнуть из дома собственную, беременную дочь. Судебные тяжбы тянулись невыносимо долго и невероятно мучительно. Спустя два месяца безрезультатных трений, крыша нашего дома всё еще тряслась от дрожи своих обитателей над их личным счастьем в виде двух пятилетних детей.

Миновало две недели после моего возвращения из Лондона, а я всё еще не смогла найти себе работу. В таком небольшом городке эта задача оказалась действительно проблематичной. На одно рабочее место претендовало минимум трио, максимум – квинтет* (*Ансамбль из пяти человек). Я снова и снова просматривала, уже затертые до дыр в мониторе, объявления о работе, практически потеряв надежду найти что-то стоящее. Да что там стоящее – я готова была идти работать уборщицей сортиров, лишь бы только не обременять семью. Благодаря бирже труда, за последние двенадцать дней я побывала на десяти собеседованиях, но никуда так и

не смогла устроиться. Чаще всего очередь до моей кандидатуры даже не успевала доходить – кто-то успевал отхватить лакомый кусок первее меня, реже я попросту не подходила по параметрам. Точнее сказать, не подошла я всего дважды: на вакансию бармена, так как не умела жонглировать бутылкой, не разбивая её или нос собеседника (отчего на бирже на меня стали смотреть с опаской), и на вакансию официанта, так как я на первой же минуте случайно опрокинула поднос с кремовым супом на администратора.

После седьмого собеседования через биржу труда, я отправилась на поиски в интернет, но большинство поданных вакансий уже были закрыты, хотя еще и не были удалены с информационного ресурса. Правда три собеседования я всё же смогла выбить для себя именно через интернет: визажист, диджей и закройщик. После этих собеседований, в резюме, в разделе “коротко о себе”, мне можно было смело дописывать: “Не умею красить физиономии престарелых дам; у меня отбито чувство ритма; мои пальцы настолько неуклюжи, что вполне способны покончить жизнь самоубийством, проколов швейной иглой с десятков раз каждую из своих фаланг”. Еще чуть-чуть и я готова была поверить в собственную никчемность, но пока я еще готова была побороться хотя бы за место разносчика прессы.

Глава 3

Моя спальня была невероятно маленьких размеров – пять на пять шагов. Однако, не смотря на всю свою скромность, она являлась едва ли не верхом роскоши в этом доме. Все спальные комнаты располагались на втором этаже, кроме скромной комнатки дедушки с бабушкой, которая, впрочем, была минимум в два раза больше моей. Сразу за моей комнатой следовала спальня Дина и Элис, в которой зачастую происходили дикие вещи, вроде “поединка смеха”, суть которого заключалась в перехохотании друг друга посредством криков. По другую сторону коридора располагалась самая просторная комната в нашем доме – комната Эмили и Тэмми, в которой, не смотря на весь простор, чаще всего вспыхивали скандалы на пустом месте. Как же счастлива я была, когда, по возвращению домой, додумалась разгрести кладовую для швабр (которая, благо, была оборудована небольшим, прямоугольным окошком) и затащить в нее старую, двуспальную раскладушку, которую прежде, на случай ночевки гостей, мы хранили на чердаке. Тэмми тихо завидовала моей смекалке, я же тихо жалела её заторможенность.

Со старшей сестрой было сложно ужиться. Кто как не я знала об этом, съезжая из шикарных апартаментов в захудалую кладовку. Свой переезд я провернула после скандала,

который Эмилия закатила в первое же утро после моего приезда, доказывая, что я без спросу взяла её фен. Да, я взяла его на минуту, но не видела в этом той трагедии, которую умудрилась рассмотреть под увеличительным стеклом прав на частную собственность моя старшая сестра. После этого инцидента я вдруг решила реализовать недавно прокрававшуюся в мою голову идею. Перенеся из кладовой все швабры, тряпки и чистящие средства в подвал, я за полчаса избавилась от въевшейся пыли, вымыла платяной шкаф, проветрила свои новые “апартаменты”, после чего перетащила в них раскладушку и все свои вещи – благо у меня их всегда было не так уж и много. Когда сестры вернулись домой после рабочего дня, одна из них невольно обрадовалась произошедшей перемене, а вторая всхлипнула от того, что не додумалась до этой гениальной идеи сама.

На широком деревянном подоконнике я организовала себе уютный столик и поставила на него свой ноутбук десятилетней давности, который прежде принадлежал моему отцу. Он буквально достался мне по наследству, так как на семейном совете было решено купить новую модель старшей сестре – ведь она к тому времени уже работала секретарем, и ей ноутбук был просто жизненно необходим! – а мне отдать старую, потому как я усердно готовилась к вступительным экзаменам. Бедной Тэмми, на правах младшей, снова ничего не досталось, но на тот момент, когда в нашей семье началась дельба ноутбуков, отсутствие части Тэмми родители вы-

ставляли в качестве наказания за её хулиганское поведение. Сейчас же, в свете последних событий, она и вовсе лишилась даже малейшего шанса на приобретение подобной вещи, но, если честно, она в ней уже и не нуждалась. Тэмми не была зарегистрирована в социальных сетях и, кроме как для погашения задолженности по мобильному счету или редкого просмотра новостей, ей больше ни для чего ноутбук был не нужен. И-то для этих целей она пользовалась либо услугами общественных компьютеров в библиотеке, либо моим ноутбуком, который стал для нее доступен лишь по моему возвращению из Лондона. Ноутбуком Эмилии безнаказанно могли пользоваться только родители, для созвона с друзьями по скайпу. Остальные не имели ни желания, ни сверхмощных нервных клеток, чтобы лишний раз теребить фибры хрупкой души этой девушки.

Я в сотый раз обновила своё резюме на сайте РНГ* (*Работа Нашего Города) и чуть не ударилась головой о низкий потолок, вскочив со своего скрипучего стула. Так как я уже с десятков раз билась макушкой о наклонный потолок, я инстинктивно резко присела и прижала ладонь к затылку, боясь в очередной раз нарваться на наказание свыше. Кто-то впервые обратил внимание на моё резюме! До этого момента только я делала попытки откликнуться на вакансии, но почти никто не обращал на меня внимание. Я не была уверена в том, что моё резюме не имело популярности из-за от-

сутствия моего фото – скорее всего, в этом городе попросту не было вакансий и с этим уже пора бы было смириться. Однако сейчас я зашла на свою страницу в РНГ как раз с целью загрузить своё изображение, чтобы хоть как-то привлечь удачу к своему фейсу, как вдруг увидела единицу напротив пометки “Мой успех”. Я всё еще не могла поверить в свой успех, поэтому мысленно улыбнулась тому, как эта информация выглядит: “Мой успех – 1”. Вдруг появилось ощущение, будто я, незаметно для самой себя, с нуля перекатилась за грань дозволенного невезения в нашей семье – на минус одну ступень. Не в силах выкинуть подобные мысли из головы, я грешным делом подумала, что это всего лишь спам или просьба не сорить своей никчемной резюмешкой по всем сайтам. Поэтому, прежде чем открыть письмо, я успела заранее разочароваться.

*“Мы ознакомились с Вашим резюме и предлагаем пройти собеседование завтра в 10.00 по адресу Б***-стрит-10”.*

Всего одна строчка, заставившая меня улыбаться до ушей в течение следующей минуты. Впервые не я напросилась, а меня пригласили на собеседование! Как мало нужно человеку, ищущему работу вторую неделю к ряду, чтобы ощутить терпкий вкус успеха, разливающийся по ухмыляющемуся сознанию.

“Кто завтра определенно не пойдет на биржу труда, как

планировал это еще пару минут назад? Я не пойду! Я отправлюсь на Б***-стрит-10 и получу свой кусок от трудоустроенного пирога!” – Возбужденно пронеслось в моем, затуманенном от счастья, подсознании. Я была настолько возбуждена, что чуть не упала лицом на клавиатуру от отчаяния, когда пробила адрес своего собеседования. Как я могла забыть, что переулок Б***-стрит живет отдельной жизнью от нашего города и фактически является отдельным государством? Аристократическая улица с исключительно изысканными коттеджами, фигурно подстриженными газонами и роскошными автомобилями, от названия марок которых язык заплетается в узел. Мысленно я уже шла в сторону биржи труда, как вдруг что-то внутри меня щелкнуло. Я называю подобные щелчки внутри себя “бойцовой кнопкой”. Моей семье нужны деньги и если эти буржуи готовы раскошелиться хотя бы на фунт, тратя время на моё убогое резюме, я возьму этот фунт.

С утра моя решимость немного потускнела и скукожилась в уголке моего сознания.

Субботние завтраки в нашей семье всегда состоялись чуть позже привычного времени, так как отец, Эмилия и Тэмми обычно предпочитали хорошенько отоспаться после трудовой недели. Однако сегодня все, за исключением Дина и Элис, встали с утра пораньше, в остром предвкушении моего собеседования у миллиардеров (если верить словам отца,

я шла минимум к нефтяным магнатам).

– Вот им наказание за роскошь, – начал “подбадривать” меня отец, намазывая масло на еще теплую булочку, которую с утра купила в лавке на соседней улице Тэмми. – Пусть вкусят нашей Глории кусочек, чтобы жизнь им медом не казалась.

– В данном случае не вкусят, а выкусят, – остроумно заметила Эмилия.

– И всё же я надеюсь, что Глория как-нибудь умудрится вернуться к нам целой, а не покусанной. Ты думаешь пойти в таком виде? – спросила мама, только сейчас обратив внимание на мои черные джинсы, легкую алую рубашку с небольшим декольте, которую я купила всего полгода назад для “особенных дней”, даже не подозревая о том, что такими “особенными днями” станут дни моих собеседований.

– Я на все собеседования так хожу, – непонимающе встряхнула плечами я.

– Но в *такое* место нужно было бы одеть что-нибудь поприличнее.

– Боюсь, что это самое приличное, что есть в моем гардеробе.

– Ладно, займу тебе один из своих костюмов, – выдохнула Эмилия, делая мне столь лестное одолжение.

Её предложение прозвучало так, словно у нее в гардеробе имелось как минимум десять костюмов, хотя на самом деле их было всего два и, причем, не самых фешенебельных:

серый (её любимый) и коричневый. Если серьезно, я даже расчувствовалась, так как Эми редко бывала такой щедрой. Наверное, сегодняшняя её щедрость была напрямую связана с её уверенностью в том, что у меня ничего не получится и таким образом она пыталась меня подбодрить.

– Не нужно, правда. Я так пойду. Не хочу запачкать твой костюм, – попыталась как можно более вежливо отказаться я, чтобы не задеть самых нежных сестринских чувств.

На самом деле Эмилия была всего на один размер крупнее меня, но эта единица много значила. К тому же, её одежда катастрофически не подходила мне по фасону. И если с бедрами я еще могла смириться, то за грудь было всё же немного обидно.

Доев свой тост и поправив элегантно заколотые на макушке, пышные волосы, ради которых я встала в семь утра, чтобы их вымыть, высушить и придать им “достойный” объем, я, наконец, переступила порог родительского дома под бурные, не лишённые сарказма овации и пожелания со стороны родни, в частности отца, вроде: “Облажайся красиво” или “Пусть узнают, где раки зимуют!”.

Я поднялась вверх по улице, села на тридцать седьмой автобус и к холму, на котором расположилось около двух десятков элитных домов. Выйдя на нужной остановке, я проводила взглядом автобус, завернувший влево от величественных и нагнетающих, в этой ситуации домов, расположив-

шихся на вершине холма, которые словно давили на наш маленький городок, высокомерно смотря на него сверху вниз. До начала Б***-стрит оставалось около двухсот пятидесяти метров мимо яблоневого сада по правую сторону от меня и просторного поля слева, зеленеющего весенней свежестью. Подобным пейзажем можно было бы насладиться, если бы не подступающий к моему горлу комок необоснованного страха.

Пройдя большую часть пути, я машинально посмотрела на старые часы, которые мама одолжила мне на время собеседования. Они были позолоченными, и вся наша семья считала их едва ли ни самой роскошной вещью под крышей нашего дома, за исключением обручальных колец родителей, но мне вдруг показалось, что они выглядят смешно, по сравнению с ручкой садовой калитки особняка, который я только что успешно миновала. Судорожно подумав о том, что дешевую одежду мне еще смогут простить, но дешевую подделку часов, марка которых была очень популярна еще пять лет назад, минимум высмеют, я сняла их и положила в свой маленький черный клатч из искусственной кожи.

Дойдя до нужного дома, который оказался последним на улице, я громко выдохнула и еще раз поправила пальто из серой плащевки, которое всё-таки согласилась занять у Эмили на время собеседования. Пальто мне было почти в пору, поэтому я не чувствовала себя в нём недорослей младшей сестрой, которой достается одежда в наследство от стар-

ших детей, или переросшим хоббитом-лепреконом, нашедшим шмотку по пути к сказочному замку. Посмотрев на роскошное, двухэтажное поместье, я попыталась представить его хозяина. Не знаю почему, но я была уверена в том, что этот дом принадлежит именно хозяину, а не хозяйке. Наверное потому, что обычно хозяйки подобных поместий обожают усаживать свои палисадники душно пахнущими розами, буквально заставляющими лёгкие сжиматься от приступов удушья. Идя по этой странной улице, олицетворяющей иную, роскошную сторону медали нашего города, я не смогла не обратить внимания на несколько таких домов, хозяйки которых буквально утопили свои особняки в розах, не смотря на то, что сейчас был далеко не сезон их цветения.

Я была уверена в том, что как только достаточно потеплеет, прелестные дары флоры буквально начнут душить Б***-стрит своими терпкими ароматами. Палисадник же этого дома был практически пуст, по крайней мере сейчас, в прохладном апреле этого года. Справа, чуть поодаль от входа в странно-пустующий палисадник расположилась шикарная терраса внушительных размеров, рядом с которой стоял небольшой, трехступенчатый, посеревший от частых дождей и северных ветров, фонтан из белого мрамора. Зрелище было даже слегка унылым, отчего я не сомневалась в том, что здесь проживает именно представитель сильного пола. По устоявшимся стереотипам, я сразу же представила пожилого, плотного мужчину, с сигарой в правой руке и яйцом

Фаберже в левой. Он наверняка провел разгульную молодость и завел нескольких незаконнорожденных детей от разных женщин. Естественно детей он либо признал и теперь ежемесячно платит их матерям огромные суммы алиментов, если дети еще несовершеннолетние, либо отказался от них и сделал всё возможное, чтобы вычеркнуть их из своей жизни, а вместе с тем и из завещания, составленного на молодую любовницу. В свои сорок он решил остепениться и женился на двадцатилетней дочери какого-нибудь начинающего депутата, который жаждал добиться успеха на своем поприще. Его молодая жена, недалекая красавица, родила ему законного наследника и либо отказалась больше рожать, так как мужа она не любит и фигуру из-за него портить не собирается, либо вообще развелась со стариком, отобрав у него половину его имущества. Ну или хотя бы сорок пять процентов, ведь подобные девушки берут дорого за вынашивание и рождение именно законного ребенка. И теперь он переехал из столицы сюда, в свою резиденцию, чтобы отойти от потрясения, и сейчас, в тишине пустых комнат, вынашивает новый план, как в очередной раз обанкротить какую-нибудь слабую фирму и заработать на этом неплохие проценты. Вокруг него кружат молоденькие служанки, предлагающие ему фуа-гра, лобстеров и кое-что другое, от чего он наверняка не отказывается. О, ужас! Неужели рабочее место мне предлагает старик-извращенец?! Загнав себя в тупик подобным развитием собственных безумных мыслей, я резко нажала на

дверной звонок, пытаюсь развеять бред, навеянный паническим состоянием, нависшим над моим здравомыслием.

Глава 4

Мне открыли даже не поинтересовавшись, кто именно соизволил трезвонить в их отполированную дверь. Наверняка у них есть камеры, которые засняли, как долго я тупила, думая о старикашке-извращенце. Если они это видели – я уже не принята на работу. Кто захочет нанимать ненормальную, способную с минуту смотреть «в никуда» ошарашенным взглядом? Правильно – только старик-извращенец. Моя черепная коробка была настолько мелкой, что как только в ней появилась мысль об извращенце – она моментально вытеснила из моей головы всё то небольшое, что в ней помещалось прежде: неуверенность в себе и своем плаще, который я передала встречавшему меня швейцару, мысль о забытом дома амулете удачи и навязчивую идею о потребности организма успокоиться при помощи чашки горячего кофе. И всё же... В запросе не было указано, на какую именно должность я претендую.

Подтянутый, пожилой швейцар сопровождал меня налево от входа по короткому коридору и оставил у стульев обитых бархатом, на которых уже расположились семнадцать женщин разных возрастов и мастей. Пожалуй, это единственная вакансия в моём многострадальном опыте, на которую конкурс оказался настолько большим. Идя по коридору вслед

за швейцаром, я мельком заглянула в приоткрытую слева дверь и поняла, что за ней расположился шикарный кабинет с большой библиотекой и мебелью из красного дерева. За столом, в высоком, обитом черной кожей кресле, повернувшись спиной к выходу, кто-то сидел. Я не смогла различить фигуры человека, но была уверена, что в кресле находился именно хозяин дома. Задумавшись о тайной личности, я чуть не врезалась в вытянутую спину старика-швейцара, который вдруг обернулся ко мне и, движением руки, указал на крайний бархатный стул. Поблагодарив его, я присела рядом с женщиной лет пятидесяти, после чего сделала глубокий вдох.

Спустя минуту, осмотрев ожидающих, я признала своё поражение. Мама была права – стоило одеть что-то более серое и строгое, в стиле Эмилии. Все присутствующие женщины были в возрасте от тридцати до сорока лет, за исключением моей пятидесятилетней соседки и меня, и абсолютно все были в строгих костюмах. Казалось, будто вязаная синяя шаль сидящей рядом женщины и моя алая блузка автоматически определяли нас в папку с ярлыком “Невпопад”. Я слегка расстроилась подобному раскладу, а вот моя соседка приободрилась, явно радуясь тому факту, что теперь она была не одинока – в её команду белых ворон, прежде состоящую из одного человека, прилетела еще одна редкая птица. Из-за разницы в росте я смотрела на нее сверху вниз, отчего могла с уверенностью утверждать, что она была слишком низ-

кой. Её густые, коротко стриженные волосы были выкрашены в карамельный блонд. Для своего роста она была достаточно плотной женщиной, с веселым и одновременно умным, слегка застенчивым взглядом. Не стану скрывать, она располагала к себе. Если бы я была нанимателем, я бы выбрала доброжелательную тётушку в возрасте, нежели напряженную и вытянутую в струнку девчонку. Хо-о-отя... Если бы я была стариком-извращенцем...

На этой моей мысли дверь справа от нас открылась и из нее вышла тридцатилетняя женщина в строгом костюме цвета индиго. Было видно, что она подготовилась к этому собеседованию лучше многих из здесь присутствующих и сейчас была вполне довольна своим результатом. По её удовлетворенному выражению лица было ясно, что она сделала всё от себя зависящее, чтобы прибрать в свои белые ручонки это шоколадное место.

Очередь быстро таяла и, спустя час, нас осталось всего пятеро: я, моя соседка, и еще три молодые красотки, пришедшие сразу после меня. Отлично, если нас нанимает извращенец, мне даже не придется придумывать отговорку, чтобы отказаться от этого места – он определенно выберет пышногрудую блондинку или девушку в короткой юбке, окрашенную в ярко-черный цвет.

Швейцар, только что зашедший и немедленно вышедший из кабинета, в котором проводились собеседования, направился в сторону кабинета, который, по моим предположе-

ниям, принадлежал хозяину дома. Мои догадки о том, что собеседование проводит не хозяин поместья, полчаса назад подтвердил шепот одной из женщин, давно просидевшей в очереди. Она что-то говорила рядом сидящей девушке о высоком хозяине дома, который единожды выходил из кабинета чуть более часа назад, но больше из этого кудяхтанья я толком ничего не смогла расслышать. Но если собеседует не хозяин, тогда кто? Три варианта: жена, любовница или всё-таки домоправитель... Ница. Домоправительница.

– Как до сих пор не выбрала?! – раздался раздраженный, мужской голос из кабинета, в который только что вошел швейцар. – Третий день подряд, пять десятков женщин и до сих пор ни одной? Она что там, порно-актрису выбирает?

“Всё-таки извращенец. Хотя, судя по голосу, определенно не старик”, – подумала я как раз в момент, когда в коридор вышел молодой мужчина, лет двадцати шести, и уверенным шагом направился в нашу сторону. Он был хорошо сложенным, статным, высоким брюнетом с аккуратной укладкой густых волос, не затронутых страшно-модными стрижками – это всё, что я успела заметить прежде, чем он мгновенно промелькнул мимо нас, уверенно распахнув дверь, в которую только что вошла пышногрудая блондинка с V-образным декольте.

“Ну, всё, – пронеслось у меня в голове, – место точно отойдет этой порно-актрисе”.

За дверью впервые раздалась достаточно громкие голо-

са мужчины и женщины, отзвук которых можно было слышать даже с моего крайнего в очереди места, после чего дверь снова распахнулась.

– Дамы, прошу вас, – произнес молодой человек, тем самым приглашая нас войти внутрь.

Мы все одновременно оторвали свои пятые точки от бархата, но вошли в дверь строго по одной, словно представительницы разных пород куриц, солидарно пропуская друг друга вперед. Парень казался рассерженным, поэтому на сей раз я отличилась сверх учтивостью и пропустила сразу всех своих соперниц, зайдя самой последней. На всякий случай я даже не до конца закрыла дверь, чтобы не вызывать дополнительных раздражителей посредством лишних хлопков и щелчков, на которые этот мужчина мог бы случайно неправильно отреагировать, после чего встала позади остальных кандидатов.

– Пожалуйста, встаньте в ряд, – достаточно учтиво попросил молодой человек. Я встала крайней слева и снова оказалась рядом с моей соседкой, с которой мы негласно успели поладить, пару раз мимолетно улыбнувшись друг другу сидя на бархатных стульях.

– Раз ты не смогла выбрать из пятидесяти женщин за три дня, мы выберем из пяти за пару минут, – обратился парень к шикарной блондинке, сидящей за столом из красного дерева, в кожаном кресле без подлокотников. На ней была блузка из натурального шелка, с которой не шла ни в какое сравне-

ние моя дешевая мулета* (*Кусок ярко-красной ткани, которой во время корриды дразнят быка). Всем своим видом эта молодая женщина демонстрировала социальное превосходство над нами и умеренное недовольство мужчиной, ворвавшимся в процесс собеседования. Девушка скрестила руки на своей миниатюрной груди, которая была минимум на два размера меньше моей, что меня изрядно порадовало. Не всем же иметь и грудь, и деньги одновременно. Мне хоть за мою бедность идеальные формы достались.

– Итак, представьтесь и расскажите, чем вы занимались до прихода в этот дом.

Присутствующие начали представляться.

Пышногрудой Эбби было двадцать пять лет, до прихода на собеседование она работала учителем французского языка в старших классах. Выкрашенная в колоритный черный, двадцатидевятилетняя Карен работала гоу-гоу танцовщицей в одном из элитных клубов столицы. Двадцатисемилетняя Люси, буквально характеризующая своей внешностью выражение “серая мышка”, прежде работала парикмахером. Моя соседка по стулу и построению, пятидесятипятилетняя Доротея, ранее трудилась библиотекарем.

Парень смотрел на каждую из говорящих с таким пристальным вниманием, что почти каждой становилось не по себе от его пронзительного взгляда – только танцовщицу гоу-гоу это подзадоривало. Не удивительно, что когда очередь дошла до меня, я невольно запнулась. Мысленно заставив

себя не сгорбиться под тяжестью его энергетики и не опустить глаза, я достаточно четко произнесла, чем позже сильно гордилась:

– Меня зовут Глория Пейдж, мне двадцать два и я бывшая студентка ***– университета.

Взгляд слушающего требовал от меня еще чего-то. Наверное, он ожидал услышать что-то яркое из моей жизни, что могло бы автоматически зачислить меня на службу, вроде истории Эбби о её несостоявшемся романе со своим учеником, но у меня подобного туза в рукаве не было. В итоге, быстро моргнув, я добавила:

– Временно приостановила своё обучение на терапевтическом факультете на четвертом году.

Глава 5

Идя домой под теплым солнышком мимо яблоневого сада, я вдыхала свежий аромат весенних трав и мысленно прокручивала последние полчаса.

“Здесь и думать нечего, – пронеслось у меня в голове сразу после краткого “обзора” кандидаток. – Возьмет пышногрудую учительницу французского или длинноногую гоу-гоу танцовщицу”.

– Здесь и думать нечего, – словно эхом отозвался молодой человек, обращаясь к оскорбленной блондинке, всё еще сидевшей с кислой миной за столом, после чего снова обернулся к нам. – Беру самую пожилую и самую молодую.

Услышав эти слова, я машинально попыталась убедить себя в том, что действительно являюсь самой молодой из претенденток, глядя на стоящую рядом со мной, улыбающуюся девушку в короткой юбке, которая наверняка была уверена и в своем возрасте, и в своей победе.

– Но ведь тебе нужна была всего одна женщина, – заметила блондинка, наблюдая за выходящими из кабинета отклоненными кандидатурами. – Я хотела подобрать идеальную работницу, в которой будут все необходимые качества.

Всё-таки решив, что довольно улыбающаяся до ушей девушка с длинными ногами от тех же ушей, моложе меня, я

отправилась к выходу.

– Что ж, я выбрал сразу двух кандидаток, которые в сумме представляют идеальный вариант. С чем не справится одна из них – справится вторая. Пусть страхуют друг друга. Девушка... Эм-м-м... Глория, Вы куда?

– М? – резко остановившись и обернувшись, откликнулась я.

– Вы и миссис Аддингтон приняты на работу, – встретившись со мной взглядом, произнес парень. От услышанного у меня вдруг закололо в области сердца, и я едва не схватилась за него, наблюдая за тем, как признавшая своё поражение девушка в короткой юбке проходит мимо меня в расстроенных чувствах.

– Извиняюсь, а в чем заключается суть работы? – неожиданно спросила Доротея.

– Интересно... Вы пришли на собеседование, не зная, на какую должность претендуете? – поинтересовался молодой человек, скорее обращаясь к блондинке, сидящей за столом, нежели к самой Доротее.

– Роланд, ты готов на меня сегодня спустить всех своих цепных псов? – изогнув бровь, начала полуоправдываться, полубоижаться блондинка. Однако мужчина решил не развивать эту тему, явно будучи недовольным сложившейся ситуацией. Повернувшись к нам, он сдержанно начал говорить:

– Всё что Вы должны узнать от меня – это то, что Вы, мисс Пейдж, будете работать восемь часов – с девяти утра

до шести вечера, а Вы, миссис Аддингтон, приняты на вечернее время, на четыре часа с шести до десяти часов. Работать придется и на выходных, рабочее время которых вы спокойно можете согласовывать между собой. Ваша ставка – двадцать фунтов в час.

Двадцать фунтов в час! Я чуть не рехнулась от удивления, счастья и страха, слившихся воедино. Мысль о том, что в нас видят потенциальных любовниц, отпала вместе с вышедшей из кабинета гоу-гоу танцовщицей, но как только парень озвучил сумму нашего заработка, я невольно представила шест и с подозрением покосилась на старушку, миловидно улыбающуюся работодателю. Я не собиралась следовать её примеру и мило улыбаться, пока мне не станут известны мельчайшие подробности вакансии, на которую меня с такой сказочной легкостью зачислили. Может, нас берут электромонтерами?

После сказанного, Роланд вышел из кабинета, оставив нас наедине с гремучей блондинкой, которая с первой же секунды начала нас презирать то ли как людей среднего класса, то ли из-за того, что мы являлись следствием не её выбора. Однако деваться было некуда ни ей, ни нам – ей нужно было ввести нас в курс дела, а нам жизненно необходимо было выслушать её презрительную лекцию.

– Двадцать фунтов в час?! – буквально выкрикнул мне в лицо отец, как только я сообщила ему о результате своего собеседования. – Не для того я растил свою дочь, чтобы она

протираля шест своей попой. Твоя пятая точка всегда была развитой, но только в сфере поисков неприятностей.

– Пап, прекрати так остро радоваться успехам моей пятой точки, – самодовольно улыбнулась я, выхватив из рук отца бутерброд с сыром и ветчиной, которым он частенько промышлял за маминой спиной, после чего откусила от него большой кусок.

– Что за шум? – поинтересовалась мама, быстрым шагом спустившись по лестнице и сиюсекундно очутившись на кухне между мной и отцом. – Дерек, ты снова ешь бутерброды перед обедом?

– Это не я, – демонстрируя свои пустые ладони, начал оправдываться отец. – Это всё твоя дочь.

– Неважно кто из вас, господа, так как я застала вас с личным. А ну-ка отдай сюда, – попыталась отобрать у меня бутерброд мама, но я ловко увернулась.

– Мне можно, – победоносно ухмыльнулась я.

– С чего это вдруг? – всё еще не понимая причины моего приподнятого настроения, поинтересовалась мама, до сих пор надеявшаяся лишить меня кусочка счастья в виде мягкого хлебушка с ветчиной, в который я жадно вцепилась. На секунду стало даже немного обидно от того, что родившая меня женщина совершенно забыла о таком важном для меня и всей нашей семьи собеседовании. Невольно создавалось впечатление, будто она и не надеялась на то, что её предпоследнюю, ничем особо не одаренную дочь, могут хоть ку-

да-нибудь принять. Но я списала всё на то, что мамина забота о лишних калориях, которые члены её семьи частенько неблагоразумно потребляют как раз перед едой, затмевает своим величием всю мою победную ауру.

– Меня приняли на работу.

– Тебя? – не отрывая своего азартного взгляда от бутерброда, переспросила мама.

– Да, – улыбнулась я, после чего невозмутимо откусила заветный кусок.

– Какая у тебя будет зарплата?

В этом была вся моя мать – она еще не успела обрадоваться или хотя бы задаться вопросом о том, кем именно будет работать её дочь, как уже успела рассчитать месячную прибыль семьи с учетом минимальной для Британии зарплаты, на которую я могла претендовать с отсутствием законченного образования, и разделить её на потребительские расходы табора из девяти человек. Однако, именно благодаря тому, что эта женщина была единственным человеком, который виртуозно справлялся с ВВП нашей семьи, мы до сих пор могли себе позволить воровать бутерброды с её кухни.

– Двадцать фунтов в час – это восемьсот фунтов в неделю и три тысячи пятьсот двадцать фунтов, если я буду работать двадцать два дня в месяце, без учета выходных, на которых я также могу добыть себе неплохие чаевые, – радостно сообщила я, автоматически облегчив своей матери процесс расчета моей прибыли.

– Доченька, ты наше спасение! – вцепилась в меня мама, явно убежденная в том, что это всего лишь крепкие объятия, а не жестокий метод душения собственной дочери.

– Скорее наше чревоугодие, – отпустил отец, смотря на меня из-за спины обнимающей меня мамы, всем своим видом выражая просьбу вернуть в его руки заветный бутерброд. Не вылезая из крепких объятий матери, я незаметно протянула отцу покусанный бутерброд, от которого осталось чуть больше половины, и сильнее прижала к себе ликующую женщину, предоставляя отцу шанс незаметно скрыться с места преступления.

Оставшиеся выходные вся наша семья только и говорила о моем, еще не до конца состоявшемся, успехе. Из-за этого, с приближением понедельника, я всё сильнее начинала переживать и одновременно с нетерпением ожидать того самого момента, когда мне, наконец, впервые придется встретиться со своей работой лицом к лицу.

Мне предстояло работать с ребенком. Всё, что я знала о нём – это то, что мальчику девять лет, его зовут Мартин Олдридж и он – моя прямая обязанность. Больше ничего. От нарастающего напряжения, которое было лишь привкусом устрашающей неизвестности, я решила разведать в интернете хоть какую-нибудь информацию о своём нанимателе. Долго искать не пришлось. От того факта, что википедия достаточно много знает о Роланде Олдридже, в то время как о моём существовании даже не подозревает, мне стало немного

НЕЛОВКО.

“Роланд Брайан Олдридж - основатель успешной IT-компании “Freedom”. За пять лет своего существования “Freedom” вошла в топ-10 успешных молодых компаний Великобритании. Является сыном Альберта Уэйна Олдриджа, основателя крупного ювелирного бизнеса, который сразу после его смерти перешел сыну вместе с одной из самых крупных частных коллекций раритетных автомобилей в Великобритании.

До поступления в Кембридж Роланд Олдридж обучался в *** и *** – одних из самых элитных школах-пансионах Британии. В совершенстве владеет французским, испанским и немецким языками. Увлекается футболом, скачками и дайвингом. Большинство свободного времени и денег тратит на путешествия по миру, занятия различными видами спорта и собственный благотворительный фонд “Your chance”, существующий чуть более года, но уже имеющий более десяти влиятельных спонсоров: (перечисление спонсоров, в число которых вошли: нефтяной магнат, оперная певица, поп-звезда и известный на всю Европу стилист – это все, с кем я давно была заочно знакома через СМИ, остальных толстосумов я попросту не знала).

Имя, данное при рождении: Роланд Брайан Олдридж.
Дата рождения: 03.06. (двадцать шесть лет).

Место рождения: Восточный Йоркшир, Англия.

Гражданство: Великобритания, Франция.

Род деятельности: Бизнесмен.

Рост: 1.80.

Цвет глаз: Серый.

Цвет волос: Брюнет.

Дважды пересмотрев фотографии с церемонии открытия благотворительного фонда, я закрыла ноутбук и откинулась на кровать. Около получаса я неподвижно лежала на спине, переваривая полученную информацию о своём работодателе, параллельно прислушиваясь к глухим возмущениям Эмили на лестничной площадке и бессвязной песенке Элис за стеной.

Установив будильник на 07:00, я достаточно быстро погрузилась в сон, добровольно бросившись в гипнотические объятия звездного неба, которое сегодня отличалось своей яркостью.

Глава 6

Еще в субботу я подписала контракт на год, потому было совершенно неудивительно, что за завтраком всё моё семейство смаковало малейшие подробности минувшего собеседования и предвкушало светлое будущее для нашего сообщества. По мнению мамы, заполучив эту должность, я перекрасила черную полосу невезения нашей семьи в белую. Но как по мне, абсолютно всё равно, какого цвета полоса невезения – черная, белая или розовая в синий горошек. Чего скрывать, я была не до конца уверена в том, что моя зарплата, пусть даже и сказочных размеров для провинциальной няни, в итоге сможет положительно повлиять на исход судебного процесса с двойняшками, но я предпочла молчать по этому поводу, как, собственно, и остальные представители семейства Пейдж. Но в одном я была уверена наверняка – слой масла на моём тосте вырастет на полдюйма и у Тэмми появится возможность приобрести новую сумочку, так как нынешняя подверглась жестокой творческой атаке со стороны Дина и теперь более походила на ловца снов*, нежели на аксессуар дамского гардероба (*Индийский амулет).

Воспользовавшись прерогативой “первого рабочего дня”, я впервые не повела детей в детский сад. До моего возвращения из Лондона эта миссия лежала в основном на маме,

сегодня же вызвалась помочь Эмилия. Всё равно ей было по пути – она ехала в магазин за очередными дешевыми колготками, так как её последние чулки пустили предательскую стрелку вдоль всей голени. Как по мне, не только проще, но и выгоднее было бы привыкнуть обходиться без чулков.

Без двадцати девять я остановилась напротив элитной улицы, решив пока не заходить на нее, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Пунктуальностью я отличалась исключительно во время важных встреч, но зато какой мощной она была! Перед важным событием я просыпалась на пять-десять минут раньше будильника и оказывалась в нужном месте за полчаса до назначенного времени. Скорее всего, моя пунктуальность была лишь результатом моих переживаний перед экзаменами, собеседованиями или посещениями стоматолога, но я ничего не могла с собой поделать.

Стоя на вершине холма, спиной к шикарным особнякам, я словно разглядывала макет своего города, который был не слишком отчетливым, из-за газовой дымки утреннего тумана. Перед рассветом прошел тихий, холодный дождь с хрупкими раскатами грома, похожими на мурчание большой кошки. От тёплых выходных не осталось и намека. Над головой нависали тяжелые, свинцовые тучи, от которых, впрочем, нельзя было ожидать дождя. И всё же, на всякий случай, я взяла мамин зонт-трость, чтобы снизить до нуля свои шансы прийти на работу мокрой в свой первый рабочий день.

Зонт был окрашен в цветную полоску, символизирующую порядок цветов радуги. Еще в детстве я заметила, что мама всегда приобретает только яркие вещи, тем самым хоть как-то пытаюсь раскрасить свою жизнь позитивными эмоциями. Иногда мне даже казалось, будто яркие вещи из супермаркета привносят в её жизнь больше позитива, нежели её регулярно плачущие дети. Конечно, это были всего лишь мысли десятилетней Глории, но с возрастом они заставили меня по-другому посмотреть на материнское счастье.

И всё же, мамина страсть к яркому совершенно не отразилось на её выходном гардеробе – она всегда предпочитала сдержанные тона, особенно почитала кремовый и терракотовый цвета. Именно от мамы я узнала о том, что у одного цвета есть множества оттенков, которые делятся на тёплые и холодные гаммы. Помню, мой детский мозг не сразу смог понять, что камелопардовый, охра и терракотовый – это оттенки одного лишь коричневого цвета. Лет до пяти я всё называла синим, красным или желтым, но позже именно от матери я узнала все прелести индиго, джеральдина и шафрана. И сейчас, именно благодаря расширенному диапазону цветового спектра в своем обыденном сознании, я наверняка могла утверждать, что поле справа от меня было цвета грязного хаки, яблоневого сад отливал аспарагусом, извечную сепию городских крыш покрывала пелена циркониевого тумана, а над головой у меня разлился беспросветный гейнсборо.

Съездившись от очередного порыва ветра, я подняла во-

ротник своего идеально-приталенного, грифельного пальто из букле, после чего продолжила своё движение в сторону дома под номером десять.

И всё же я пришла на пять минут раньше назначенного времени. На мой короткий звонок дверь открыл уже знакомый мне Джонатан, после чего, натренированным движением опытного швейцара, он ловко помог мне снять своё пальто. Джонатану было около шестидесяти пяти лет, но он умудрялся так прямо держать свою осанку, что на фоне его я начинала чувствовать себя Квазимодо и инстинктивно выпрямлялась в струнку.

Я надела сменную обувь, которую меня заранее предупредили взять с собой, после чего отправилась вслед за Джонатаном (в субботу мне пришлось сходить за новыми тапочками, чтобы в этом доме никто не увидел моих протертых, общажных чешек, которые я купила два года назад лишь потому, что на них была пятидесятипроцентная скидка).

Мы прошли квадратную прихожую, украшением которой была деревянная лестница, ведущая наверх, после чего завернули в крыло правой части дома и прошли по достаточно широкому коридору мимо просторной гостиной. Миновав широкий коридор с тройкой закрытых дверей в стене слева, Джонатан открыл дубовую, обрамленную искусной резьбой дверь, возникшую перед нами в самом конце коридора. Оказавшись по другую сторону двери, мы перенеслись во внутренний дворик без крыши, с четырех сторон окруженном де-

ревянными стенами поместья и примыкающими к ним дорожками из полированных темных досок, находящихся под наклонной, деревянной крышей.

Место, в котором я вдруг оказалась, словно соединяло два совершенно контрастных, отдельных друг от друга мира, и делало это всего лишь внутренним двориком под открытым небом, и примыкающими к нему крытыми дорожками из дерева. Этими мирами были элитный, двухэтажный особняк миллионера и уютный, одноэтажный, загородный домик хозяйственного семьянина.

Дворик был достаточно просторным и одновременно небольшим. На первый взгляд он был пуст, но это была лишь иллюзия. Всю его территорию занимал неестественно зеленый, я бы даже сказала малахитовый, газон. В четырех его углах стояли небольшие, но увесистые, закругленные вазы из фарфора цвета слоновой кости, весь вес которых удерживали их фигурные ножки с причудливой резьбой. Наверняка они служили клумбами, потому как были заполнены черноземом, создававшим иллюзию пустого пространства, отчего можно было подумать, что эти вазоны попросту полые. Деревянные перила трех из четырех дорожек, отсоединяющие лакированные тропинки от дворика (сторона, соединяющая два дома крытой тропинкой, на которой я сейчас стояла, не была оснащена перилами), были увиты тонкими, ровно стриженными, голыми ветвями плюща, наверняка не успевшего до сих пор распуститься лишь из-за недо-

статка солнечных дней этой весной. На мгновение я представила, как должно быть чудесно здесь в теплую пору года, когда вазы наполняются лазурными, пунцовыми и аметистовыми цветами, начинает зеленеть плющ и воздух наполняется невообразимыми ароматами тихого счастья.

Внутренний двор оказался для меня чем-то неожиданным, невообразимым, местом из параллельной, сказочной вселенной, в которой всё еще живут самые настоящие самураи в льняных кимоно. Наверное поэтому я не сразу заметила, как очутилась внутри домика Белоснежки и семи гномов, хотя наверняка знала, что в его сторону от двери замка злой мачехи я сделала ровно пятнадцать шагов.

Мы оказались в небольшом, темном коридоре, выводящем в уютную, незахламленную гостиную и я сразу же отметила, что хозяин поместья является большим любителем красного дерева. Даже представить сложно, сколько он вложил в отделку обоих домов.

– Мистер Мартин сегодня предпочел заниматься в своей спальне, так что Вам придется подождать его в гостиной, – с отчетливостью, присущей только дикторам и швейцарам, произнес Джонатан.

– А чем он занимается?

– Сегодня у него уроки математики, литературы, истории и французского. По обыкновению он занимается с девяти утра до часа дня.

Наверное “наследника” не хотели отдавать в школу для

“обычных” детей и так как его отец вынужден, по неизвестным мне причинам, на некоторое время застрять в нашем стареньком городишке, мальчику наняли целый штаб из прислуги. Только сейчас я задумалась о том, что если Роланду Олдриджу двадцать шесть лет, а Мартину девять, это значит, что этот парень “состряпал” мальчишку еще в семнадцатилетии? И кто, в таком случае, мать ребенка? Я была более чем уверена в том, что ей точно не является собеседовавшая нас блондинка. Её максимум при Олдридже – это должность любовницы.

Убедившись в том, что мне больше ничего не нужно, Джонатан удалился в главный дом к хозяину поместья, оставив меня посреди гостиной. Нельзя было не отметить две изюминки этой комнаты – горящий камин и панорамные окна на всю противоположную от входа стену. По идее они должны были показывать великолепный пейзаж в виде шикарного палисадника, начинающегося сразу после небольшой каменной террасы, но холодная весна не давала ни малейшей надежды увидеть в ближайшее время хоть чуточку ярких красок.

Я знала, что за дверью слева молодой Олдридж сейчас занимается науками, поэтому решила пока ознакомиться с оставшейся частью дома. Рассмотрев узорчатый ковер цвета сгущенного молока, я отправилась направо по коридору и оказалась на просторной кухне, отделанной исключительно светлыми тонами. Долго не задержавшись на изучении

кухонного гарнитура, я снова вернулась в гостиную, параллельно заглянув за закрытые двери в коридоре – миниатюрная спальня для гостей, ванная комната и отдельный туалет.

Чуть отодвинув кресло-качалку от стены так, чтобы оно всякий раз не билось о дорогую обшивку, я удобно устроилась напротив камина и до часа дня размышляла о том, зачем же Олдридж нанял меня на время, когда мальчик занимается обучением. Ведь до часа дня он поглощен образовательным процессом.

Глава 7

В итоге, к часу дня, медленно покачиваясь в кресле и подперев правой рукой подбородок, я задремала. Всё это время из комнаты моего подопечного никто не выходил, поэтому я вздрогнула, когда дверь спальни внезапно распахнулась. Резко встав со своего места, я быстро заморгала, чтобы не дать своим отяжелевшим векам опуститься вновь.

В гостиную вошел парень со светло-каштановыми волосами, лет около двадцати восьми, в вязанном синем свитере и темных джинсах. Заметив меня, он доброжелательно улыбнулся и подошел ближе.

– Вы, должно быть, новая няня? – пожимая своей теплой и сильной рукой мою холодную и немощную, поинтересовался он. – Меня зовут Рик Белл. Я учитель Мартина.

Рик был выше меня минимум на три дюйма. У него были голубые и словно печальные глаза, он обладал хорошо сложенным телосложением, но слегка осунувшимися плечами, словно он носил на них когда-то очень тяжелый груз. Рик походил на человека, много видевшего и многое прочувствовавшего, но всё еще не до конца разобравшегося с собственной жизнью.

– Глория Пейдж... – только и успела представиться я, прежде чем из комнаты выбежал светловолосый мальчишка,

ростом чуть выше моего локтя.

— Как бы ни так! Я давно уже вырос из возраста, в котором требуются няньки, — остановившись в двух шагах от нас и внимательно рассматривая меня с головы до пят, громко выпалил мальчишка, в ответ на замечание Рика о моей должности.

— Что ж, моё время истекло и, пожалуй, я оставлю вас наедине. Мартин, не вздумай обижать свою новую... — “Няню”, хотел произнести учитель, но осекся. — Подругу.

После своего краткого наставления, Рик слегка улыбнулся мне, явно желая хоть как-то меня подбодрить, после чего развернулся и вышел из комнаты, оставив меня наедине с мальчишкой.

Первые несколько секунд мы сверлили друг друга взглядами. Я поняла, что в качестве работы мне достался сильный соперник, которому я должна с первой минуты нашего знакомства показать, что не собираюсь сдаваться без боя. Гляделки продлились около двух минут, пока голубоглазый не сдался, раздраженно спросив:

— Где мой обед?

— Что?

— 13.00 — пора есть. Что ты приготовила?

Я растерялась.

— Я не знала, что должна была приготовить обед.

— Тупица. Ты здесь и двух недель не продержишься. Сегодня же расскажу Роланду, что ты оставила меня без обеда!

– Ничего подобного, – скрестив руки на груди, поджала губы я. – До часа дня еще целых пять минут. Это значит, что твой обед начнется максимум на двадцать минут позже, а задержанный обед и несостоявшийся – это две разные вещи.

Мартин сощурил глаза от неприкрытого раздражения и отправился в свою спальню, гневно выкрикивая что-то о том, что я не успею до двадцати минут второго приготовить обед, после чего он обязательно всё расскажет Роланду.

Легко поддавшись злобе, я быстрым шагом отправилась на кухню, в надежде найти в холодильнике хоть что-нибудь съедобное. В итоге, через пятнадцать минут на столе стояли две порции яичницы с беконом, парой сосисок, жареным хлебом, грибами и двумя чашками свежесваренного чая.

– Ты всерьез собираешься меня этим кормить? – театрально сморщив нос, отозвался вошедший на кухню мальчишка. – Это всего лишь жалкий завтрак нищего из девятнадцатого века, с пережаренными сосисками начала двадцать первого века. Где моё первое блюдо, салат и десерт?

– Не хочешь – не ешь, – отодвигая от него тарелку, заявила я.

– Хочешь заморить меня голодом?

– Не желаешь подвергнуться диете – садись рядом и молча вкушай свой королевский обед, – наигранно спокойно ответила я, садясь за стол.

– Еще чего! Чтобы я сидел с тобой за одним столом?! – возмутился Мартин, после чего ловко схватил свою порцию.

Всё-таки голод победил своего хозяина. – Я поем в своей спальне, а ты оставайся здесь!

Я проводила Мартина округленным от недоумения взглядом и, пытаясь дышать как можно ровнее, быстро расправилась со своим обедом, изо всех сил стараясь не выходить из себя. В конце концов, мне было нужно это место – за него платили баснословную сумму. Однако теперь я знала тайну этих денег – видимо мне будут платить за мои страдания. Недаром говорят, что бесплатный сыр бывает только в мышеловках.

Около двух часов дня я зашла в комнату мальчишки. Она была достаточно уютной, с двуспальной детской кроватью, в виде корабля со штурвалом у ног, и изобилием разбросанных игрушек (которые, по-видимому, он разбросал специально для меня сразу после ухода Рика). В комнате было выделено специальное место для учебы и отдельное место для игр. О такой спальне мои племянники и мечтать не могли.

Мартин лежал на диване возле окна и, демонстративно всматриваясь в окно, громко слушал классическую музыку, что меня немного удивило – если бы девятилетний мальчишка слушал тяжелый рок, я бы с меньшим изумлением к этому отнеслась.

Забрав грязную посуду, я снова вернулась на кухню, после чего перемыла и протерла всё, что только можно было придумать, и снова заглянула в спальню Мартина. Он всё еще лежал на диване, но уже без наушников и с закрытыми гла-

зами.

– Хватит лениться – подай мне плед, – вдруг приказал он, когда я уже собиралась выходить. Заметив моё каменное выражение лица, он добавил. – Тебе за это платят.

На сей раз, он был прав. Взяв с кровати плед, я положила его на Мартина, даже не потрудившись его развернуть.

– Можешь быть свободна. И не вздумай меня разбудить.

Оставшийся день я занималась подкладыванием дров в камин и ожиданием окончания своей первой рабочей смены.

Мартин проспал с двух до четырех, последующие два часа проведя взаперти в своей спальне. Когда в шесть часов в гостиную зашел Джонатан, и из-за его спины показалась веселая Доротея, я уже хотела с облегчением выдохнуть и отправиться к выходу из этого давящего места, но швейцар сообщил нам, что хозяин поместья просит своих новых сотрудниц составить ему компанию во время ужина. Я замаялась, из-за чего Джонатан решил доброжелательно мне напомнить о том, что дополнительные часы пребывания в этом доме положительно влияют на наши заработные выплаты. Сразу после этого уточнения все мои сомнения немедленно рассеялись в пространстве и, в итоге, я с меньшей тягостью приняла приглашение на ужин. Интересно, сколько зарабатывал в этом поместье Джонатан?

Впоследствии Доротея сделала несколько тщетных попыток познакомиться с Мартином, но он решительно заявил, что до ужина не выйдет из своей комнаты. Без десяти семь

мальчишка быстро выбежал из своей спальни в сторону главного дома, наверняка с расчетом на то, что мы не успеем его догнать. В итоге нам пришлось самим искать путь в столовую и в процессе мы даже умудрились слегка заблудиться, но вовремя возникший перед нами Джонатан указал нам верное направление.

Я ожидала, что во время “трапезы” нас будут обслуживать разношерстные официанты, поэтому заранее была настроена негативно к данному приглашению. Однако мои опасения были напрасны. В просторной столовой, больше напоминающей зал, нас было всего четверо, и обслуживали мы себя сами, отчего в воздухе не витал дух неловкости.

Роланд занимал место во главе стола, справа от него расположился Мартин, сбоку от Мартина сидела Доротея, я же находилась по левую руку от нанимателя и, одновременно, напротив мальчика.

– Как Вам Ваш первый рабочий день? – наливая красное вино Доротее, затем мне и только после себе, поинтересовался Роланд.

– По правде говоря, я не до конца разобралась в расписании... – призналась я.

– Она оставила меня без нормального обеда, – заявил вдруг мальчишка и в этот момент мы обменялись с ним испепеляюще-ледяным взглядом.

– Судя по всему, вы оба смогли поладить, – улыбаясь, за-

метил Олдридж, после чего обратился конкретно ко мне. – Наверняка Вы уже поняли, с чем связались.

– Хочу ростбиф, – обратился Мартин к Роланду, очевидно не выдержав того, что мужчина перевел своё внимание с него на меня.

– Скорее, нам еще предстоит найти общий язык, но как я уже сказала, я не до конца понимаю, что именно входит в мои обязанности, а что нет.

– Разве Кэрол не выдала Вам расписание?

– Кто такая Кэрол?

– Девушка, беседовавшая Вас.

– Ничего подобного она не выдавала, по крайней мере мне, – ответила я, после чего перевела взгляд на Доротею.

– Оу, нет, мне тоже ничего подобного не было вручено, – заерзала на своем стуле женщина, слишком сильно заинтересовавшаяся тигровыми креветками.

– Видишь, Мартин, в том, что произошло, нет абсолютно никакой вины Глории. Пора бы тебе уже научиться сначала слушать и только после рассуждать о том, стоит ли обвинять человека. Поумерь список своих претензий.

После замечания Роланда, мальчик потупил взгляд, ковыряя свою овощную запеканку. Нельзя было не заметить того, что Роланд имеет над Мартином большую власть и обладает в его глазах едва ли не чрезмерно раздутым авторитетом.

В конце вечера я получила от Джонатана небольшой реестр с расписанием основных пунктов своих обязанностей и,

с ощущением легкой потерянности, отправилась домой.

Глава 8

Основные задачи няни:

- 1) – Онлайн-закупка продуктов к обеду на сайте *** (деньги находятся в шкатулке над камином; все чеки в конце месяца предоставляются нанимателю).
- 2) – Приготовление обеда.
- 3) – Организация досуга.

Сидя на своей раскладушке с ноутбуком на коленях после своего первого рабочего дня, я внимательно изучала сайт доставки продуктов, с которым мне предстояло работать. Он был простецким, но я всё равно боялась упустить какую-нибудь мелочь. Зарегистрировавшись, я заполнила корзину самым необходимым: картофель, рыба, вода, овощная смесь для супа и куриное филе, свежие овощи и фрукты, печенье и шоколад. Трижды перепроверив адрес доставки и убедившись в том, что указала для курьера именно “черный вход со стороны одноэтажного дома”, как было прописано в данной мне Джонатаном инструкции, я кликнула по кнопке “Оформить” одновременно с восклицанием Дина за стеной, который с хохотом боролся со срывающейся на крик Эмилией. Спустя некоторое время Элис решила взять пример со свое-

го старшего брата и тоже отказалась укладываться спать без битвы, однако её смех был не таким убедительным, как смех Дина. В итоге, за тонкой стеной моей спальни, развернулись нешуточные бои подушками. Обняв себя руками и стараясь не сойти с ума от шума, я смотрела на сообщение: *“Ваш заказ оформлен. Время доставки – 10.00-11.00”*. С моих мокрых волос, замотанных на макушке в слабый пучок, по шее аккуратно скользнула прохладная капля воды и, как раз в момент её скольжения, в спальню детей зашел отец. Крики стихли, Эмилия отправилась готовиться к свиданию с Эмметтом, а дети устроились слушать сказку от лица её автора.

Эмметт Бланкар работал диктором на местной радиостанции, являясь одним из двух ведущих передачи “С добрым утром, Англия!”, транслировавшийся с шести до семи часов ежедневно, чем он лично был сильно горд. Телосложения он был среднего, приближенного к стройному (по полтора часа один раз в неделю проводил в тренажерном зале). Частенько его взгляд выдавал его слабые стороны, например, иногда проявляющуюся глупость или рассеянность. Однако он не был из “долбанутых”, как выразился мой отец, когда познакомился с ним лично и узнал, что он старше Эмилии на целых девять лет (печальный факт для мамы):

– Ну, он хотя бы не из долбанутых, – заключил отец, после семейного ужина, на котором впервые присутствовал новый парень Эмилии.

Долбанутыми папа считал предыдущих парней своей

старшей дочки. Вся семья знала, что девственность Эми потеряла в семнадцать, переспав с одноклассником, с которым они расстались спустя неделю после их совместного “приключения”. Вторым её парнем стал Энди, продавец мороженого в парке, с которым она провстречалась четыре страстных месяца, пока не застала его с поличным на измене с какой-то крашеной эмо. Эмметт же стал третьим парнем Эмили и, судя по всему, она надеялась сделать его последним.

Они познакомились на ежегодной ярмарке в Скарборо, где Эми отдыхала во время своего первого в жизни отпуска (это случилось спустя полтора месяца после происшествия с Дэниелом и Линдой). После “красочной” ярмарки, Эмметт переехал в наш город специально ради своей любимой (правда это было не сложно, так как прежде он жил всего лишь в соседнем городе, а не на краю Аляски). С тех пор они вместе. Они встречались уже почти шесть лет, но делать предложение Эмметт не спешил. Он жил на съемной квартире, но уже успел нафантазировать план своего будущего жилища с двумя спальными комнатами, на которое, по расчетам самого Эмметта, он сможет накопить всего лишь через три года (пять лет ведь уже прошло). И причина, по которой Эмметт всё еще не женился на Эмили, заключалась именно во второй спальном комнате в его, пока еще только нафантазированной, квартире. Он безумно хотел детей. Для него это словно была идея фикс – передать свою громкую фамилию потомку. Дело в том, что Эмметт всерьез считал себя

потомком Амабля Ги Баланкара*, хотя и не имел ни единого тому доказательства (*Французский военный деятель, генерал-лейтенант, барон, участник революционных и наполеоновских войн, отчим Поля Эжена Бонту). Отца он не знал, рано лишился отчима и пять лет назад, в возрасте шестидесяти лет, скончалась его мать. Всё её наследство, включая небольшую квартиру, ушло на погашение её же долгов. Братьев же или сестер у Эммета не было, что еще больше подпитывало его желание завести большое потомство. Именно в этом была загвоздка его отношений с Эмилией.

После расставания с Энди, Эмилия обнаружила у себя осложнения по женской части, виной которых мог стать предыдущий половой партнер. Последствий можно было бы избежать, обнаружив проблему сразу, но у нее оказалась запущенная форма, после которой доктора пророчили ей сложности с зачатием. Сначала Эмилия винила в произошедшем безбашенного Энди и не сильно расстраивалась из-за диагноза, ведь “сложности с зачатием – это не сам факт бесплодия”, – говорила она. Но когда Эми стала старше, она начала винить и себя за собственное безрассудство в подростковом возрасте, и мучиться от слова “сложность”, которое, в итоге, почувствовала всем своим телом. Уже спустя два года отношений, Эмметт сказал Эмили, что готов на ней жениться, в случае её беременности. Вернее он поставил условие: беременность – затем брак и никак не наоборот. До этого момента Эми ничего не рассказывала Эмметту о сво-

ей “сложности”, а он, словно предчувствуя неладное, сначала захотел убедиться в том, что сможет обзавестись семьей с этой девушкой. Спустя полгода тщетных попыток зачать ребенка, Эмилия, наконец, призналась парню в своей проблеме. По словам самого Эмметта, он “так сильно прикипел к Эми, что даже столь прискорбное обстоятельство не позволило ему расстаться с ней”. Однако это же обстоятельство до сих пор не позволяло ему жениться на той, к которой он так сильно “прикипел”. Итак, они вместе уже почти шесть лет, четыре из которых тщетно пытаются зачать ребенка. Всё это время Эмметт, для поднятия своей потенции, питается исключительно вареной скумбрией и сырой репой, Эми читает медицинские журналы и рассчитывает дни своей жизненно важной, в прямом смысле этого слова, овуляции, а мы тактично не говорим об их помолвке, называя сложившуюся ситуацию деликатной, и скрещиваем пальцы в надежде на то, что у Эмилии всё-таки получится когда-нибудь стать миссис Бланкар, после чего она, наконец, переедет к своему мужу. Главное, чтобы не привела его жить в этот дом – он и так трещит по швам.

Входная дверь нашего дома хлопнула в двадцать два пятнадцать – хороший знак для Тэмми, свидетельствующий о том, что наша старшая сестра сегодня снова попытает удачу залететь от своего бойфренда, после чего наверняка останется у него на ночь. Лучшие ночи для Тэмми – ночи, когда она

оставалась в спальне без старшей сестры.

После происшествия с Дэниелом и Линдой наша семья пребывала в некоем диком трансе. В короткие часы, в которые мы не были заняты орущими двойняшками, каждый из нас был сосредоточен на собственной боли. Душевная травма из-за потери Дэниела и снижение внимания со стороны родителей к детям сильно сказались на младшей сестре. Всё началось с плохих отметок в школе и закончилось трагедией в клубе. К семнадцати годам Тэмми стала неуправляемым подростком, постоянно воюющей с окружающим её миром.

Однажды Тэмми не вернулась ночевать. Родители обзвонили всех предполагаемых друзей Тэмми, половина из которых давно с ней не общалась. Всю ночь родители, в компании со мной, сходили с ума (я к тому времени уже поступила в университет и приехала на выходные) – Эмилия снова отказалась участвовать во всём этом бардаке, под названием “семья”, после чего отправилась ночевать к Эмметту, будучи абсолютно уверенной в том, что беглянка вернется к утру. Отчасти она была права. Около четырех утра нам позвонили из полицейского участка и попросили забрать девчонку. Она оказалась под действием легкого наркотика (только сейчас я осознала, как же нам повезло, что в итоге Тэмми не стала наркоманкой!), который ранее приняла в клубе. После смерти Дэниела родители второй раз в жизни выглядели оглушенными, но на сей раз были уверены в том, что они еще в силах всё исправить.

После этой ночи Тэмми немного притихла, словно сама не могла до конца осознать, что именно с ней произошло. Начитавшись статей по психологии, родители решили дать Тэмми недельный отгул от школьных занятий, не смотря на то, что экзамены уже были буквально на носу. Они тщательно следили за потрясенным состоянием Тэмми, каждый вечер созваниваясь со мной, чтобы обсудить все подробности поведения моей младшей сестры. Эмилия же полностью отстранилась от взъерошенной семьи, пытаясь больше времени проводить вне дома – на работе, с Эмметтом или на прогулках с друзьями, но только не с проблемными родственниками.

К четвергу сестра постепенно отошла от потрясения, отчего родители уже хотели было с облегчением выдохнуть, как вдруг, в конце следующей недели, Тэмми в первый раз стошнило. Опасаясь того, что у младшей дочери началась наркотическая ломка, мама начала отпаивать её бабушкины-ми травами. По словам отца, всё утро понедельника Тэмми снова выворачивало, но около полудня ей немногим стало легче, из-за чего они решили, что обострение позади и отказались от запланированной поездки в больницу, после чего Тэмми легла спать. В тот день отец взял отгул на день и остался дома с мамой, чтобы следить за состоянием дочери.

После четырех часов сна Тэмми проснулась от сильной боли в животе. Мама едва не сошла с ума, обнаружив у нее кровотечение. Сбежав с лекций, я смогла приехать в больни-

цу только вечером. Помню бледную мать на коридоре и потерянного отца, которому стоит отдать должное – впоследствии он быстро собрался и отлично смог поддержать своих женщин в столь сложной ситуации. Оказалось, что у Тэмми случился выкидыш. Спустя несколько часов я узнала от сестры, что она не знала о своей беременности. Более того – она даже не была уверена в том, что с кем-то переспала. Она удержала в памяти только клуб и то, что с ней был незнакомый парень, лицо которого она не помнила и вспоминать не хотела. Еще Тэмми помнила, что они оба были под действием алкоголя и легкого наркотика, но до сих пор она не была уверена в том, что между ними что-то было.

Всю последующую неделю я провела рядом с сестрой. Её буквально раздавило осознание того, что она потеряла девственность в обкуренном состоянии с неизвестным пьяным парнем в туалете затхлого клуба, после чего у нее случился выкидыш. Предыдущую бунтарку Тэмми сменили тихоней, боящейся собственной тени. Её душа была словно растоптана, а сознание искажено. Вскоре стало ясно, что прежней Тэмми у нас уже не будет, а нынешней Тэмми будет достаточно сложно вписаться в общество. Первое время она боялась даже собственного отражения, которое словно напоминало ей об ошибках прошлого. Она стала принимать душ пять раз в день, словно пытаюсь смыть с себя налипшую на нее грязь. Тэмми стала бояться привлекать к себе внимание, поэтому в основном молчала, а когда говорила – делала это

слишком робко и тихо.

Со временем все эти острые углы сгладились, но не исчезли полностью. Тэмми стала молчаливой мышкой, которую часто гоняла кошка Эмилия. Если после произошедшего я сильно сблизилась с Тэмми, то Эмилия наоборот, словно почувствовала своё превосходство над одной из своих младших сестер. Мы никогда не были дружными сестрами, но во всех наших стычках нас отличали следующие черты: Эмилия любила доказывать свою правоту, смотря на нас сверху вниз, я старалась отстоять своё право, если его затрагивали, или игнорировать конфликтную ситуацию (если она не задевала моих прав, соответственно), Тэмми же с детства пыталась избежать ссор. Сейчас же промах Тэмми, если эту трагедию можно так называть, словно дал Эмилиии окончательное и бесповоротное чувство собственного превосходства над младшей сестрой, в то время как я наоборот, впервые прониклась к Тэмми настоящей сестринской любовью. Для себя я объясняла поведение Эмилиии результатом зависти. Но, как позже оказалось, к подобному выводу пришла не я одна. Однажды с утра, когда еще все спали, а я собиралась уезжать в университет, я услышала разговор бабушки с дедом. Она тоже считала, что старшая сестра притесняет младшую не только из-за детской привычки показывать своё превосходство. Дело в том, что после перенесенного выкидыша, по результатам последующих осмотров у врача, Тэмми уверили, что бесплодие ей точно не грозит, и она вполне

сможет произвести на свет с дюжину цветов жизни. После этой новости все вздохнули с облегчением, и лишь Эмилия вздохнула с хорошо скрытой завистью, в которой сама себе до сих пор не могла признаться. У нее ведь не было выкидышей после первого же сексуального опыта – всего лишь два половых партнера, после одного из которых она подхватила несчастное воспаление (пропади оно пропадом!), от последствий которого она до сих пор страдала и заставляла страдать остальных. Так почему же от этого недуга должна страдать она, а не Тэмми?

Думаю, не сложно догадаться, что всё происходящее в нашей семье отразилось незримой печатью на мне: неспособность Дэниела и Линды в несозревшем возрасте стать родителями двойни; бесплодие Эмилии, заработанное беспорядочными половыми связями; выкидыш Тэмми в возрасте семнадцати лет. На горьком опыте своих близких я многому научилась и в итоге твердо решила не наступать на их грабли. Я отчаянно не хотела стать молодой мамашей орущего человека, которому на протяжении года буду служить пищей, а впоследствии еще и грушей для битья. Я безумно боялась быть посредственной, недалекой, глупой девчонкой. С тремя этими страхами я боролась через университет. Меня нельзя было назвать гением, у меня не всё гладко получалось в учебе, но я искренне старалась. После каждого сданного мной экзамена я признавала, что родилась с маленьким мозгом, который, из-за пребывания в университете, работал

до изнеможения. Мне откровенно сложно давалась учеба, но я буквально грызла гранит науки, опасаясь собственного провала. Мне не хотелось становиться среднестатистической секретаршей в захудалом городишке и гордиться этим так, как гордилась этим Эмилия, или быть горничной, как Тэмми. У меня была твердая уверенность дойти до конца, пусть даже через пот, боль и слёзы. И я шла. Шла не оглядываясь на парней, которые не обделяли меня вниманием. На примере брата и сестер я знала, каким коварным бывает мужское внимание. Наверняка мужчины даже не подозревают о вреде, который могут нанести своей избраннице.

Конечно я не была сухарем, выстраивающим всех парней под одну гребенку. У меня было много друзей мужского пола, иногда я выпивала в пабах, есть даже вещи, вспоминая которые я краснею. Например, однажды я на спор затащила красавчика Брюса Уокера в женский туалет, мимолетным взглядом всего лишь намекнув ему на незабываемый вечер, после чего мы с друзьями высмеяли развратника и я сорвала куш в пятьсот долларов, а Уокер еще неделю пытался ко мне подкатить. Но в свои двадцать два я так и оставалась девственницей. Если бы об этом вдруг узнала Эмилия, боюсь, она бы просто треснула от своего, весьма относительно, превосходства. Так что я хранила эту тайну за семью печатями. Наверное, мою целомудренность психологи назвали бы “травмой детства на фоне сложившейся в семье стрессовой ситуации”, но я её называю “здравым смыслом на фоне

жестокой реальности”.

Я спустилась на кухню спустя час после ухода Эмили, когда все уже легли спать. В доме было достаточно прохладно, а на улице снова начался проливной дождь, от которого этой промозглой весной не было никакого спасения. Не включая свет, я разогрела чашку молока и запила им оставшуюся после завтрака, нежнейшую пахлаву, которую каждое утро дедушка с бабушкой покупали в частной лавке булочника, развернувшего свой сдобный бизнес на соседней улице. Завтра предстоял очередной день борьбы с наследником Олдриджа, за моё право продолжать подсчитывать деньги его отца, ежедневно капающие в мой карман. Ощущая приближение не самого легкого утра, я отправилась в постель и, распустив не до конца просушенные волосы, легла под тонкое одеяло, после чего укрылась шикарным пледом крупной вязки из шерсти мериноса, заполучить который мечтала больше трех лет своей жизни и который на двадцатилетие мне, наконец, подарили дедушка с бабушкой.

Глава 9

– Немедленно прекратите это безобразие! – обратилась мама к двойняшкам, скатывающим хлеб в шарики, но почему-то на её призыв отреагировали только папа с бабушкой, пытавшиеся наложить себе на тарелку больше положенных трех нарезок бекона. Они претендовали на бекон Эми оставшийся нетронутым, из-за её отсутствия во время завтрака, по причине очередной попытки залететь от Эмметта (как выразился отец), которая должна была состояться прошедшей ночью. В итоге ветчину Эмили и бойко разделили между собой дед, отец и Тэмми. Некоторые из нас радовались отсутствию Эми по утрам из-за дополнительной порции еды, некоторые из-за возможности позавтракать без лишних хлопот, но все предпочитали об этом молчать. Одна лишь мама частенько скучала по старшей дочке, словно не замечая её недостатков. Если честно, Эми была не такой уж и плохой, так как остальные члены нашей семьи тоже не состояли из сахарной ваты. Хотя, если честно, в порывах негодования, я зачастую считала, что недостатков в остальных членах нашей семьи было в сумме равным счетом столько же, сколько в одной Эмили, но такие мысли были не совсем справедливы по отношению к старшей сестре.

– Одри, дорогая, у нас не будет дополнительной порции

хоть чего-нибудь? – обратился отец к маме.

– Перестань клянчить, Дерек. Давай, собирайся на работу и не забудь своих внуков где-нибудь на полпути к детскому саду.

– Это было всего один раз.

– А дедушка Кристофер говорил, что он чуть не потерял маленького дедушку Дерек, когда гулял с ним в парке, – заявил пятилетний Дин, заставляя задорно расхохотаться свою младшую сестру. Так как дети не понимали, чем именно отличается дедушка от прадедушки и бабушка от прабабушки, они называли оба вида дедушек и бабушек по именам.

Заявления Дина и громкий смех Элис заставили смутиться деда, который встретился с изумленным взглядом бабушки. Эту и многие другие истории мы знали наизусть (о выбитом молочном зубе моего отца дверной ручкой, разбитой вазе бабушки, случайно отрезанных телефонных проводах, съеденных пончиках в честь дня рождения королевы, постиранном портмоне), и лишь бабушка, снова и снова слыша одну и ту же историю, с изумлением смотрела на деда, заставляя его всякий раз смущаться своих затёртых признаний, словно в первый раз. В нашей семье эту милую пару называли “Неостывшими”, проводя параллель с фильмом “Выживший”* (*Американский эпический остросюжетный вестерн).

– Они провели вместе полвека и к началу второй половины не остыли, – говорил отец.

– А представь, что бы было, если бы мы спали в одной лошади на двоих и делили одну медвежью шкуру, – подхватывал дед. – Вот это была бы сила любви!

– Будто тебе уж силы не хватает, – смеялась вставной челюстью бабушка.

Наконец отец с детьми ушел в садик, и мама начала прибираться со стола. Я и Тэмми помогли ей, пока дед с бабушкой усаживались на диван напротив телевизора.

На сей раз я пришла ровно в девять – ни минутой раньше. По правде говоря, я даже хотела задержаться, но мне слишком хорошо платили за каждую минуту моей жизни, так что потраченное мной время впустую напрямую играло против меня.

По обыкновению дверь открыл Джонатан. “День начался!”, – мысленно вздохнула я, после чего перешагнула порог.

Швейцар показал мне, куда обычно привозят продукты – оказалось, что за кухней есть коридор с неприметной дверью. Когда Джонатан ушел, я села в уже полюбившееся мне кресло-качалку, застеленное пледом из мягких помпонов, и напряженно начала ожидать курьера, мысленно прокручивая в голове, что именно приготовлю из заказанных продуктов. В пятнадцать минут одиннадцатого раздался звонок, заставивший меня вскочить с насиженного гнезда. Быстрым шагом направившись к задней двери и пытаясь ступать как можно более тихо, чтобы Мартин и Рик не расслышали моей

суетливости, я едва удерживалась, чтобы не сорваться на бег. Расплатившись с курьером, я положила сдачу вместе с чеком в большую деревянную шкатулку, специально разделенную на две секции, после чего снова отправилась на кухню.

К часу дня первое, второе, салат и десерт были приготовлены. Я редко готовила нечто большее, чем яичница с тостом, но криворукой меня точно нельзя было назвать. Обед на двоих выглядел более чем просто аппетитным.

Ровно в час, когда я заканчивала сервировку стола, на кухню вихрем ворвался малолетний Олдридж и с криком: “Это просто ужасно!”, – выбежал вон. Я столько сил и нервов потратила на приготовление обеда, чтобы этот избалованный сопляк в итоге посмел заявить нечто подобное?! Выпустив из легких сдавленный поток воздуха и облокотившись двумя руками о спинку дорогостоящего барного стула с изысканной резьбой, я нагнулась вперед, чтобы рассмотреть кончики своих тапок. Я зачастую отстранялась от происходящего вокруг подобным образом, чтобы попытаться сосредоточиться или перестать злиться.

– Что тут такого ужасного? – спросил тихо вошедший на кухню Рик, тем самым заставив меня поднять голову. – Обожаю ужасы.

– Обед. Он пахнет отвратительно! – заявил появившейся из-за его спины Мартин.

– То, что нас не убивает, делает нас сильнее, – подмигнув мне, выдал Рик, после чего сел за стол. – Ты уверен в том,

что отказываешься от обеда?

– Хм, – надувшись, отвернулся Мартин, осознав, что потерял союзника в лице Рика.

– Тогда я стану сильнее за счет твоего обеда. Раз уж ты отказываешься от силы...

– Я не отказываюсь от силы, я лишь опасаясь быть отравленным этой жижей, – резко выпалил мальчишка и, схватив яблоко, выбежал из кухни.

– Приступим? – улыбнувшись, поинтересовался Рик, словно приглашая меня сесть рядом. – Он всегда такой... Ну, знаешь... Шумный.

– Может быть, его нужно кормить фуа-гра и черной икрой?

– Неплохая идея.

– Думаешь? – искренне полюбопытствовала я, отметив, что мы успели перейти на “ты”.

– Он точно не почувствует разницы между черной и кабачковой икрой, но ты ведь её ощутишь. Я имею в виду, что ты вполне можешь позволить себе царские обеды за счет вредности этого мальчика. Можешь в сутки съедать двадцать банок икры – Роланд будет лишь счастлив, что в чеке указан нормальный рацион для его младшего.

– Разве это честно? Погоди, что значит “младшего”? У него еще есть дети?!

– Дети?! – неожиданно рассмеялся Рик. – Мартин его младший брат.

– Просто они так не похожи друг на друга... – спустя несколько секунд произнесла. – Я думала, что причина их несхожести в том, что Мартин больше похож на свою мать, а не на Роланда.

– Это просто смешно, честное слово, – продолжал хихикать Рик. – Роланд никогда не был женат, хотя с женщинами он отроду не имел проблем.

“Кто бы сомневался. С миллионами в карманах и привлекательной внешностью обычно подобных проблем не возникает. Хотя второй пункт не обязателен – просто совпало”, – пронеслось у меня в голове.

– Мартин его сводный брат по отцу, который чуть более года назад погиб в авиакатастрофе вместе с мачехой Роланда. После их гибели Роланд забрал Мартина к себе, не захотев поместить мальчика в пансион, так как сам провел почти всё детство в учреждениях подобного типа. Первое время они жили в Лондоне, но Мартин подхватил сначала серьезную ангину, затем не менее серьезный грипп и в итоге Роланд решил переехать ближе к свежему воздуху. Лучшим местом оказался загородный дом, доставшийся Роланду по наследству от отца. Они переехали сюда перед Рождеством, а вместе с ними штат из нескольких кухарок, повара, швейцара, горничных и, с января, к ним присоединился я. Из-за слабого здоровья мальчика, с которым сейчас уже всё в порядке, было решено, что Мартин некоторое время будет на домашнем обучении. Собственно поэтому мы сейчас и обе-

даем на этой кухне, и жаль, что ты не купила устриц. Поверь мне, ты на самом деле можешь тратить на еду целое состояние. Если Мартин не ест – это проблема Мартина, ешь сама. Считай, что зарплату тебе платят за терпение, а возможность поесть фуа-гра – это всего лишь компенсация за испепеленные нервы.

Совместный обед с Риком стал единственной приятной вещью за весь мой рабочий день, не считая первых утренних часов, когда Мартин был занят учебой. После обеда мальчишка пытался выбрать подходящую мне кличку. Он откровенно долго пытался понять, какой именно ярлык больше подходит ко мне, как к индивидууму: “Посредственность” или “Тупица”. Решив, что все и так видят, что я посредственна, он решил, что всем будет любопытно узнать о том, что я еще и тупая, поэтому выбор пал на второй вариант. Затем он решил поддержать огонь в камине, из-за чего разбросал щепки от дров по всему дому. Пока я самостоятельно нашла пылесос (Мартин категорически отказался раскрывать его местоположение), мальчишка приклеил жвачку к столу из красного дерева и раскатал её по поверхности так, что мне пришлось удалять её не меньше часа, панически опасаясь испортить идеально гладкую поверхность. Во второй половине дня мой подопечный почувствовал, что проголодался, и отправился на кухню, где успешно порезал себе палец, пытаясь очистить яблоко от кожуры. От произошедшего я едва не потеряла сознание, но не из-за вида тонкого пореза

на указательном пальце мальчишки, который даже не кро-
воточил, и не из-за его злостных воплей о том, что во всем
виновата моя невнимательность, а от одной только мысли о
том, что старший Олдридж сотрет меня в порошок. Это в
лучшем случае, в худшем – уволит уже на второй рабочий
день. Когда я наложила пластырь на многострадальный па-
лец Мартина, он с мокрыми глазами побежал напрямик в
главный дом, оставив меня посреди кухни. Я не знала, что
именно должна сделать в подобной ситуации – отправиться
за мальчишкой или дожждаться его в гостиной, поэтому стала
топтаться на месте, откровенно боясь выйти из этого уютно-
го домика в страшный мир соседнего дворца.

Не прошло и пятнадцати минут, как оба Олдриджа заяви-
лись в гостиную. При виде старшего из них, у меня впервые
в жизни так четко засосало под ложечкой, словно в меня вы-
стрелили дробью. “Только не увольняй меня из-за этого эго-
истичного хама!” – с умоляющим вызовом подумала я, па-
раллельно пытаясь придумать тысяча и одно оправдание.

– Мартин, – приподнял бровь Роланд и, только после это-
го я заметила, что мальчишка не выглядит удовлетворенным
результатом своего похода.

– Потом, – буркнул мальчик и уже хотел отправиться в
сторону своей комнаты, когда Роланд остановил мальчишку
за шиворот его дорогой рубашки.

– Нет, давай как договаривались.

– Ты мне не веришь?

– Просто хочу присутствовать при выполнении договоренности с твоей стороны.

– Прости, я больше так не буду, – вдруг пробурчал Мартин, и я даже не сразу поняла, что его извинение адресовано мне. Спустя секунду после произнесенных слов, мальчик с вызовом посмотрел на меня и удалился в свою спальню, явно дав мне понять, что этими словами он объявил мне войну. Внутри меня всё сжалось. Что может придумать его детский ум против назойливой няньки? Да всё что угодно! Мои размышления прервал невозмутимый голос Роланда:

– Ваша задача – следить за тем, чтобы Мартин до ужина не врывался в главный дом с воплями и не мешал мне работать. В следующий раз наложите ему пластырь вместо пальца на рот, если это будет необходимо.

Еще раз осмотрев меня с головы до пят отстраненным взглядом, он развернулся и твердой походкой, которая обычно присуща лишь настоящему хозяину дома, ситуации и собственной жизни, вышел вон. Проводив его взглядом, я невольно осмотрела свой старенький, просторный свитер из альпаки и, подумав над тем, что могла бы удосужиться одеть что-нибудь и получше, тихо заглянула в открытую спальню Мартина. Мальчишка лежал на софе, отвернувшись лицом к окну. “Один – ноль, в пользу альпаки”, – подумала я и тихим шагом вернулась к своему креслу-качалке.

Оставшийся день я провела не с Деятелем, но Мыслителем в лице Мартина. И, думаю, уж лучше слушать

оскорбления по поводу своей прически, терпеть кривляния и неуместные шуточки, от которых смешно было лишь их автору, нежели очищать от жвачки красное дерево или носиться по дому с пылесосом.

Казалось, моя смена не закончится никогда! Доротея пришла ровно в шесть, когда Мартин, после очередной дурацкой шуточки по поводу моей “уродливой сумки”, отправился в свою спальню. На её лице красовалась улыбка, которую я никак не могла понять. Я негодовала от результатов сегодняшнего дня, как вдруг поняла, что улыбка Доротеи может быть связана с тем, что она не страдает на своей работе так, как это умудряюсь делать я. А ведь прошло всего лишь два дня!

– Доротея, как Вы ладите с мальчишкой? – вплотную подойдя к женщине, будто пытаясь услышать некий могущественный секрет, поинтересовалась я.

– Оу, абсолютно никак! – доброжелательно заулыбалась в ответ женщина.

– Никак?! – удивленно вздернула брови я, пытаясь понять, чему она так радуется.

– Это совершенно неудивительно, ведь мы с мальчиком провели вместе всего лишь несколько часов. Он совершенно некоммуникабельный и не идет со мной на контакт, а когда я пытаюсь с ним заговорить – он обязательно грубит. Но это абсолютно не страшно, так как вскоре мы идем ужинать, после чего Мартин проводит время с мистером Роландом, а я смотрю телевизор. Можно сказать, что в сумме я нахожусь с

мальчиком наедине где-то полтора часа.

Несправедливо! Всего лишь полтора часа наедине? Доро-тею явно пожалели. Видимо, принимая нас на работу, Ро-ланд решил, что старушка долго не протянет с мальчишкой, а вот молодую можно ушатать до потери пульса.

Я попыталась улыбнуться женщине, но, боюсь, у меня это получилось слишком неестественно, отчего, в итоге, Доро-тея лицезрела мой нервный оскал. *В конце концов, я ведь хо-тела услышать великий секрет, а им, как и всё великое, ока-залась горькая правда.*

Домой я шла глядя лишь себе под ноги, мысленно выруги-ваясь и совершенно не обращая никакого внимания на теп-лый вечер, и первые звезды, появляющиеся на просторном небосводе.

Глава 10

Обычно я ладила с детьми. Я это определила по своим племянникам, с которыми искусно возилась всё своё свободное время, не занятое учебой. Естественно шум исходящий изнутри карапузов минимум – утомлял, максимум – доказывал, но я никогда не срывалась на мысленную нецензурную брань. А после Мартина сорвалась. Пожалуй, это был первый признак приближающегося нервного срыва, ну или тика (если повезет).

Каждый вечер после работы я запиралась в ванной, садилась на корточки и просто пыталась сосредоточиться на потоке прохладной воды, падающей на меня откуда-то сверху. Дважды за прошедшую неделю я просидела в подобной позе в течение целых двадцати минут, не издавая ни единого звука или шевеления, после чего мама или Эмилия начинали тарабанить в дверь, чтобы убедиться в том, что со мной всё в порядке и потребовать дать возможность принять душ другим.

За эту неделю произошли следующие вещи:

1) Мартин пролил мне на руку кипяток в виде чая, и теперь я ходила с перемотанным участком кожи на правом предплечье.

2) Мартин подложил мне на стул пару кнопок, которые буквально впились в нежную кожу моей пятой точки.

3) Мартин остриг пса повара (несчастливая зверушка жила в главном доме).

4) Мартин разбил вазу, стоимостью в тысячу фунтов, которые, как объяснил мне мальчик, теперь вычтут из моей зарплаты. Так что я не только проработала неделю в счет разбитой Мартином вазы, но еще и осталась должна. И это было самое обидное – целая неделя мучений впустую, а телесные увечья в виде ожога на предплечье и прокола на пятой точке не компенсировались!

Мартин, Мартин, Мартин!.. Кажется, я не справляюсь, но не могу самой себе признаться в этом.

Я договорилась с Доротеей, что в пятницу, с девяти утра до десяти вечера, я присмотрю за Мартином самостоятельно, чтобы хоть как-нибудь компенсировать утраченные мной деньги из-за разбитой вазы, а всю субботу и воскресенье возьмет на себя она. Это была самая мучительная пятница в моей жизни! Итоги дня:

1) О том, что я тупица, с подачи мальчишки уже знал весь штат дома.

2) Остриженная собака повара начала хромать.

3) Джонатан обзавелся фиолетовым бакенбардом – Мартин в прыжке нарисовал жирную линию на левой щеке швейцара новым маркером, накануне подаренным ему его стар-

шим братом.

4) Пол на кухне стал липким от пролитого литра мёда.

5) Курьер заработал нервную улыбку, слушая от мальчика содержательную инструкцию о том, как именно необходимо подавать пакеты с едой.

6) Люстра в гостиной накренилась от удара футбольным мячом.

7) Мой правый глаз начал нервно дергаться.

Когда в без пятнадцати десять Роланд явился в “наш маленький мир хаоса”, я чуть не расплакалась от счастья, обрадовавшись тому, что этот порочный круг, под названием “Рабочая пятница”, наконец разорвался. Схватив свою сумочку, я буквально вылетела из дома, мимолетно буркнув на “Добрый вечер” Олдриджа что-то вроде “До встречи” и мысленно добавив: “Видеть вас обоих не желаю”.

Всю прошедшую неделю я ожидала субботу, словно манну небесную. Не смотря на то, что я каждый вечер очень рано ложилась спать, за всю неделю я так ни разу и не выспалась, поэтому в ночь с субботы на воскресенье я спала до начала одиннадцатого и, при этом, никто из моей многочисленной семьи меня ни разу не потревожил! Кажется, родители начали догадываться о том, что мне приходится несладко, хотя я и старалась тщательно скрывать данный факт, из-за чего сегодня они буквально спасли мой сон от внезапных набегов Дина и Элис или склок между Эмилией и Тэмми.

Я тщательно пыталась скрыть своё депрессивное настроение от родных, но, если подумать, моя молчаливость во время ужина, получасовые уединения в ванной и попытки рано заснуть в какофонии звуков нашего дома, вполне могли меня выдать. Однако сейчас, проснувшись после долгого, очищающего сна, я совершенно об этом не задумывалась.

Начиная со среды и до сих пор светило яркое, теплое солнце, заставляющее хрупкую природу провинциального городка воскреснуть после долгой, холодной зимы и затяжных, промозглых недель весны. Я предвкушала отличную субботу...

Приняв утреннее умывание и стянув с себя розовую пижаму с голубым слоником на груди, я переоделась в старые джинсы, которые одевала лишь когда была уверена в том, что в течение дня не захочу уходить дальше своего двора, и тонкую толстовку на молнии, сделанную из бледно-розового хлопка, которую я обожала носить в “разгрузочные дни” – дни, когда экзамены, похмелье или месячные позади. Отныне такими днями могли стать все мои грядущие выходные, но я желала об этом не думать, чтобы не вгонять себя в еще более глубокую депрессию.

После запоздавшего завтрака в одиночестве (всё семейство уже давно позавтракало), состоявшего из тоста со сливочным сыром и тонкого кусочка ветчины, по просьбе мамы, я отправилась во двор, чтобы присмотреть за Дином и Элис – мама постоянно жила в страхе за свои клумбы, ко-

которые подвергались регулярным набегам со стороны печенегов-двойняшек. Выйдя на улицу и заключив с детьми “пакт о ненападении” на мамины крокусы, которые и так в этом году цвели на последнем издыхании, я устроилась на деревянном шезлонге, купленном дедом позапрошлым летом и сейчас стоящем справа от бабушкиного. С полным умиротворением на душе, я безмятежно закрыла глаза, позволяя своей бледной коже насладиться, первой для нее в этом году, солнечной ванной. Изредка я приоткрывала один глаз, чтобы убедиться в том, что Дин всё еще прожигает папиной лупой молодой листок лопуха, а Элис раскрашивает цветными мелками любимую бабушкину клумбу из бутового камня.

“Идеальные дети! Никакой занозы в заднице”, – подумала я, в очередной раз прикрыв глаза, как вдруг услышала звук остановившегося автомобиля напротив нашего дома. Я неохотно приоткрыла глаза, но не сразу поняла, что за рулем автомобиля находится Рик. Рик – это хорошо, когда это просто Рик. А вот Рик, говорящий: “Муж Доротеи попал в больницу, поэтому её нужно будет сегодня подменить”, – это не хорошо. Это очень нехорошо. Я не успела отказаться или хотя бы возразить, как внезапно возникшая на пороге нашего дома мама, достаточно громко заявила: “Езжай, я присмотрю за детьми”.

– Я только переоденусь, – начала отнекиваться я, пятясь в сторону дома, чтобы максимально потянуть время.

– Ничего страшного, запрыгивай так, – взмахнул рукой

Рик.

Посмотрев на свои джинсы, я уже хотела сказать, что мне всё-таки стоит переодеться (я тайно питала надежду на то, что дверь в моей комнате захлопнется и, по уважительным причинам, я не смогу подменить Доротею), но мать подтолкнула меня в спину, после чего тихо прошептала: “Дорогая, не заставляй ждать джентльмена”. Для мамы джентльменом являлся всякий мужчина, сидевший за рулем относительно нового автомобиля.

“Прощайте, ангелочки”, – мысленно обратилась я к своим племянникам, которые с завистью смотрели на свою тётю, с несчастным видом садящуюся в шикарную машину “джентльмена”. Они хотели поменяться местами со мной, я жаждала поменяться местами с ними – всё было по честному, но схема всё равно не работала. Пытаясь взять себя в руки, чтобы не прослезиться, я пристегнула ремень безопасности как раз в тот момент, когда Дин начал обрисовывать кофточку Элис розовым мелком, а мама начала закатывать глаза на фоне происходящего.

– А. Это ты, тупица, – с порога обрадовался моему приходу маленький бандит. – Какое убожество на тебе одето. Тебя привез Рик? Наверняка ты испачкала всю обивку в его автомобиле.

Я скрестила руки на груди. Около года назад бабушка где-то вычитала, что скрещенные руки являются невидимым ба-

рьером, за которым человек пытается скрыться от неприятных эмоций или ситуаций. Еще год назад я не придавала этому факту никакого значения, сейчас же словила себя на мысли о том, что за прошедшую неделю я как никогда часто стала скрещивать руки именно во время общения с Мартином, или закидывать ногу на ногу, когда приходилось с ним бороться сидя.

– Мне повезло, что на выходных обед готовит повар. Не придется есть твою стряпню.

– Поверь мне, моя стряпня – не самое страшное, что может случиться с человеком.

– И что же может быть страшнее твоей готовки? Твой прикид?

– Досуг, проведенный с тобой.

– Точно! Досуг, проведенный с тобой. Как я мог такое забыть?

Для своего возраста Мартин был: а) слишком агрессивно настроен по отношению к посторонним людям, б) слишком подвешен на язык. И поверьте мне, оба эти качества неплохо потворствовали друг другу. Как сказал бы мой отец: «Не тронь какашку, чтобы не завоняла». И это еще мягко сказано. Почему-то именно сейчас, смотря на Мартина, я глубоко осознавала, как же часто наши с отцом взгляды на мир сходятся. Просто поразительно.

Мои отношения с Мартином были похожи на затяжную борьбу за власть. Он не хотел видеть моего лица – я предла-

гала ему закрывать глаза в моем присутствии. Он не хотел слышать моего голоса – я предлагала затыкать ему уши. Он не хотел, чтобы я готовила ему обед – я предлагала ему голодать. Это был замкнутый круг борьбы за уважение. Мальчишка попросту не мог уважать малознакомого человека, который вынужден работать нянькой, чтобы содержать свою семью, я же не могла уважать человека, пусть даже несовершеннолетнего, капризы которого оплачивает платиновая карточка родственника.

До обеда мы ссорились (дело дошло до швыряния лего), во время обеда ситуация не улучшилась, так как Роланд был в отъезде, поэтому за столом творился хаос из хлебных крошек, которые периодически летели мне в лицо, и разорванных салфеток, так как моё воспитание мне не позволяло бросаться едой. Всё закончилось тем, что я выплеснула в лицо наглеца полстакана воды. Всхлипнув носом (благо ему нечем было мне ответить, так как свой сок он давно выпил), Мартин выбежал из столовой, а я еще долго извинялась перед кухаркой, помогая ей убирать со стола.

Дальше – хуже. Когда я вошла в гостиную, меня ожидал поэтический беспорядок – вся зола из камина волшебным образом перенеслась на ковёр. Больше часа я пыталась вернуть ковру прежний цвет, думая о том, что если с меня еще и за него вычтут из зарплаты – смысла работать в этом доме нет. Всё равно весь заработок пока уходил на погашение задолженностей по вредности Мартина и, с такими темпами, я

уже скоро в кредиты здесь начну влезать! На пару с пятновыводителем, я более-менее справилась с ковром, но всё равно он выглядел изрядно пострадавшим. В итоге пришлось просить Джонатана о помощи со стороны уборщицы.

Пока я разбиралась с ковром, Мартин и звука не издал из своей комнаты. Когда же я обратила внимание на тишину, у меня чуть сердце не остановилось от предвкушения. Я медленно открыла дверь в спальню маленького лепрекона и с облегчением выдохнула, застав его за игрой в очередную, модную компьютерную стрелялку. Примерно через час мы снова вступили в противостояние: кому достанется кресло-качалка, кто управляет пультом от телевизора, кто на самом деле тупица, кто войдет первым в туалет – всякий раз, когда я шла в уборную, он вскакивал со своего места и запирался там минимум на десять минут! Я даже начала иногда имитировать желание посетить уборную, чтобы побыть наедине с собой. У нас всё решалось через неминуемые дебаты.

Глава 11

Около шести часов вечера мы с Мартином отправились в сторону цветущего сада, расположенного в пятистах метрах за поместьем.

– Ты редкая тупица. Как Кэрол вообще могла принять тебя на работу?

– Меня принял Роланд.

– Наверное не вынес твоей тяжелой энергетики обиженной и нуждающейся. Ты ведь наверняка нуждаешься в деньгах, раз уж взялась работать нянькой.

– Раз уж я всё еще терплю тебя...

– Наверняка копишь на какую-нибудь подержанную тачку, чтобы потом хвастаться перед друзьями ржавой клещей. Или на супердорогие мега-лабутены, чтобы сверху вниз смотреть на подруг-неудачниц, таких же как и ты.

– У меня хоть какие-то друзья есть, в отличие от его величества Мартина.

– У его величества Мартина, как ты выразилась, есть больше, чем какое-то жалкое внимание друзей.

– Да? И что же это?

– Брат.

– Ты хотел сказать – кошелек брата.

– Я хотел сказать то, что сказал. Никто, кроме тебя не ви-

новат, что ты не умеешь слушать. Хотя, может это передалось по наследству и ты тут и вправду ни при чем.

– Закрой рот, – тяжело вздохнув, попросила я.

– Твоя работа слушать то, что я тебе говорю, так что лучше не хлопай своими покрасневшими от негодования ушами. И, кстати, у меня есть друзья, но они все остались в Лондоне...

Мы направлялись к деревянным качелям на двоих, но я так рассердилась на Мартина из-за сказанных им слов, что не заметила лежащего на газоне шланга, слившегося по цвету с травой, отчего неудачно споткнулась. Если бы я упала удачно – это была бы не я. Моё правое бедро растянулось на большом, полукруглом камне, лежащем рядом с горсткой других камней, предназначенных для создания новой клумбы. Я упала так резко и с такой скоростью, что камень буквально прощупал мою кость. Давно я не испытывала столь сильной физической боли. Сморщившись, я попыталась резко встать, но поняла, что боль в бедре слишком острая. Только злость на смеющегося Мартина не позволяла мне расплакаться.

– Неуклюжая утка! – заливался смехом мальчишка. – Ахах! Ты бы видела своё лицо! Белая, как мел! – разрывался от счастья паршивец. – Жаль, у меня нет с собой фотоаппарата. Такой бесценный материал! Тупи-и-ица-а! – мальчик присел на корточки, от невозможности твердо стоять на ногах из-за смеха, а я пыталась понять, почему боль не утихает, неужели

я могла повредить кость с такой высоты падения?

Встав на ноги, я с облегчением поняла, что нога у меня в целости, но далеко не в сохранности, как и мой мобильный телефон, экран которого безжалостно треснул. Сильно хромая, я отправилась в сторону дома, сопровождаемая безудержным смехом мальчишки. Как считаете, ненавидеть ребенка – это плохо? Я считала, что это плохо, поэтому я его не ненавидела, я его просто “недолюбливала”. Первую минуту после падения я подавляла желание плакать, вторую минуту желание открутить голову негодному мальчишке, в третью же минуту боролась с искренним желанием ударить негодника большой ногой.

С утра Рик передал мне, что я должна просидеть с Мартином до момента возвращения Роланда из Лондона, но я не знала, когда именно он вернется. Моё терпение иссякло, когда Мартин принялся забрасывать лего в камин – это было около девяти часов вечера. В итоге, я решила уйти до возвращения Роланда. Хромая, с взъерошенными волосами, бледным лицом и горящими глазами, я сквозь боль улыбалась и сквозь крепко стиснутые зубы говорила с Джонатаном, стоя у выхода:

– Ничего страшного, правда. Просто небольшой ушиб.

– Глория, уже уходите? – оторвавшись от каких-то бумаг, заинтересовался проходящий мимо нас Роланд, внезапно возникший ниоткуда и явно направляющийся в сторону домика Мартина. У меня так и отвисла челюсть.

– Вы уже вернулись? – стараясь скрыть своё негодование, что у меня наверняка получилось весьма дурно, поинтересовалась я.

– Да, почти час назад. Забыл Вас предупредить, засиделся за бумагами, из-за чего теперь придется поздно ужинать. Поужинаете с нами?

– Нет! – выпалила я так резко, что глаза обоих стоящих передо мной мужчин сразу же округлились. – Нет, спасибо, я не голодна, – попыталась исправить положение я, начав пятиться спиной к двери. – Я, пожалуй, пойду...

– Глория, Вы хромаете? – начиная подозревать неладное, поинтересовался Роланд, смотря на меня, как на человека, только что выкравшего из его сейфа фамильную драгоценность и теперь пытающегося скрыться на его глазах.

– Нет-нет, ничего подобного. До встречи.

– Подождите, Вы без плаща. На улице уже ночь...

– До понедельника, – только и успела ответить я перед тем, как взять из рук Джонатана незнакомый мне плащ, захлопнуть за собой дверь и быстрым шагом, насколько мне могла позволить моя пострадавшая нога, проковылять по ступенькам крыльца.

Я пыталась идти как можно быстрее, но с каждым шагом всё больше выдыхалась. *На улице и вправду было очень холодно. Казалось, будто ледяные лучи далеких звезд пронзают меня прямо в макушку, а изо рта вылетает не пар, а клочья разорвавшейся души, летящей в сторону застывшие-*

го ночного сада, в надежде зацепиться за его ветви.

Проехавшая мимо меня одинокая машина развернулась где-то за моей спиной, но я совершенно не обратила на это никакого внимания, полностью уйдя в недры своей души, которую я из последних сил пыталась сохранить в дрожащем теле, а не выплюнуть её изо рта где-нибудь по дороге, вместе с густыми клубками пара. Плащ на мне был огромен, словно я стащила его с огромного колбосса, отчего сейчас чувствовала себя палаткой с отросшими ножками, одна из которых была хромой.

– Тебя подвезти? – послышался знакомый голос из остановившейся рядом машины.

– Пожалуй, можно, – вздрогнув от неожиданности, согласилась я и уже спустя несколько секунд сидела рядом с Риком.

– Ты что, хромаешь?

– Небольшой ушиб. Ничего страшного.

– Знакомый плащ. Украла у Роланда?

– В качестве компенсации за потерянный выходной. Поверь мне, денег, которые он мне платит, будет недостаточно.

– Мартин настолько невыносим?

Я предпочла промолчать и Рик, из солидарности, решил не напрашиваться на диалог. Едва ли прошло больше пяти минут с момента нашей встречи у сада, когда мы оказались возле моего дома. На шезлонге, на котором еще утром нежилась я, сейчас сидела Тэмми. Со стороны, в лучах холодно-

го полнолуния, она выглядела загадочно, словно сирена. Не хватало только пруда.

– Твоя сестра? – неожиданно поинтересовался Рик, остановившись чуть поодаль от моего дома, после чего я словила его взгляд на Тэмми, которая и мускулом не повела в нашу сторону.

– Д-да. Младшая.

Интересно, мы с ней так сильно похожи, что он сразу догадался о происхождении Тэмми, или всё же это обыкновенное предположение? На самом деле, мы все были похожи друг на друга – вся наша семья. Все мы были темноволосыми шапенами с разными оттенками голубого цвета глаз и невысоким ростом разницей в несколько дюймов. У меня были густые каштановые волосы до лопаток, у Эми волосы были камелопардового цвета и едва доставали до закорок, а у Тэмми волосы были цвета шоколада и опускались чуть ниже плеч. Мои глаза были сизыми, глаза Эмилии голубыми, а у Тэмми васильковыми. Мой рост составлял один метр и семьдесят один сантиметр, в то время как Эми была на целых четыре сантиметра выше меня, а Тэмми ниже нее на шесть. Изюминкой моей внешности была красивая линия пышных губ и хорошо очерченные скулы, Эмилия гордилась искусственной линией бровей, а Тэмми предпочитала вообще ничем не гордиться, хотя на самом деле у нее был потрясающий, аккуратненький курносый носик, который из всей семьи достался только ей. Несмотря на некоторые схожести, по которым

можно было определить, что мы являемся сёстрами, всё же мы были как внешне так и внутренне очень разными.

– Ладно, мне пора. Передай плащ Роланду, окей? – спросила я, совершенно не обращая внимания на то, как Рик наблюдает за моей сестрой-нимфой, залитой лунным светом.

– Окей.

Тэмми заметила меня лишь после того, как я подошла к ней впритык. Странности её поведения, например необъяснимая отрешенность во время оживленного разговора, внезапные улыбки во время ужина, скомканность ответов на сложные вопросы и часто возникающая замкнутость, никогда не вводили меня в тупик, как бывало с остальными членами нашей семьи. Возможно, именно поэтому я ладила с ней лучше, чем остальные. Все прекрасно понимали, что у Тэмми глубокая психологическая травма, пережить которую сложно без последствий, и всё же они не всегда были способны её понять. Сестра часто замыкалась потому, что ей было стыдно за то, что произошло с ней в прошлом, и она часто думала о том, что её должна стыдиться вся семья. Тэмми в буквальном смысле была очень застенчивым и ранимым человеком, доверие которого постороннему сложно завоевать не потому, что она недотрога, а потому, что она слишком уязвима.

– Что ты здесь делаешь так поздно? – спросила я, остановившись напротив сестры и загородив собой луну, на которую она так пристально смотрела.

– Глория, ты уже вернулась! Я тебя совершенно не заметила. Я ждала тебя... Луна сегодня просто очаровательна.

– Это ты сегодня очаровательна, – улыбнулась я, вспомнив, как Рик смотрел на Тэмми, после чего заправила выбившуюся прядь её волос за ухо красавицы.

Дедушка, бабушка и папа смотрели новое шоу талантов, мама развешивала выстиранное белье, которое сушилось в гостиной и потому стиралось только перед сном, Дин и Элис играли под столом в Дарт-Вейдера и Лею, Эмилия, сидя за столом, добивала на ноутбуке последние строки своего ежемесячного отчета, а я с Тэмми, облокотившись о кухонный гарнитур, медленно цедили теплое молоко. Все были настолько заняты своими делами, что смогли выдать в качестве внимания к моей персоне лишь глухое “привет” и только мама, не отрывая глаз от белья, предложила отужинать, от чего я отказалась, солгав, что уже поужинала у Олджриджей. Сегодня мой аппетит приравнялся к моему настроению – он был нулевой. Мою же хромоту заметила лишь проницательная Тэмми, но еще на улице я успела убедить её, что со мной всё в полном порядке.

– У парня антофобия, – в общем гуле голосов раздался голос папы, который в данную секунду был поглощен просмотром шоу. – Парень боится цветов, вот у кого реальные проблемы в этой жизни!

– Кто бы говорил, – вмешалась мама, – сам страдаешь подобным.

– Я?! – изумился отец.

– Разве нет? Больше двух лет моей жизни прошло без единого цветочка.

– Бабушка-бабушка, Дин отобрал мой световой меч!

– Дин, верни сестре её меч.

– Он ей не нужен. Пусть лучше возьмет арбалет.

– Мне не нужен арбалет.

– А мне нужен хоть грамм тишины для завершения своего отчета!

– Тетя Эми начинает злиться, отдай мне мой меч.

– Дорогая, я не дарю тебе цветы лишь потому, что сам в них нуждаюсь...

И снова какофония. Не допив молоко, я поставила кружку в раковину и, под тяжелым взглядом Тэмми, поковыляла на второй этаж.

Зайдя в спальню, я взяла свою фланелевую пижаму с махровым полотенцем и отправилась в душ. Ванная комната у нас была небольшая, но в ней отлично помещались ванная и отдельный душ, унитаз, раковина с трельяжем и стиральная машина, расположенная под огромной подвесной полкой, в которой хранилось всё необходимое для хрупкого существования нашего мирка. В общем – идеальное место для депрессии.

Я зашла в душевую кабинку, закрылась и, включив теплую воду, которая, после холодного уличного воздуха, прожигала мою кожу насквозь, села на корточки. Впервые по-

сле смерти Дэниела мне захотелось плакать. Первый месяц после этой утраты плакали все, особенно двойняшки, постоянно жаждущие внимания. Помню, как рыдали бабушка и мама, которая несколько недель после похорон не могла даже подняться с постели. Помню, как завывал на кухне папа, как охал дедушка, как Эми и Тэмми заливали ночами подушки (тогда мы еще жили втроем в одной спальне). После этого мне начало казаться, будто я выплакала столько слез, что больше никогда не смогу заплакать. Но вот – сейчас к моему горлу подкатил комок... Нет, Мартин никогда не заставит меня плакать!

– Эй, ты там уже целых двадцать две минуты, давай выходи, – послышался раздраженный голос Эми, после чего в ванную дверь буквально вlepили ладонью. – Слышишь? Не ты одна в этом доме хочешь помыться.

– Но я одна в этом доме всю субботу провела на работе! – вдруг выпалила я, едва не сорвавшись на крик. – Так что если кто-то так сильно жаждет помыться, пусть молча ждет. Раньше нужно было думать о своих желаниях, тогда бы соизволили дойти до душа до моего прихода!

Тишина. В этой семье, в которой каждый норовит перекричать себя, телевизор или еще кого-нибудь, я редко говорила на повышенных тонах. По-моему, я вообще не поднимала голос с тех пор, как поступила в университет, так как меньше времени стала проводить внутри своей семьи. Но как только я вернулась домой, я начала ловить себя на нетерпе-

ливости и частых попытках пресекать её на корню. Наверное поэтому сила моего ответа оказалась для Эми слишком неожиданной и она предпочла тихо ретироваться.

Уже через пять минут я вернулась к себе в спальню, медленно ступая по подозрительно притихшему дому.

– Можно? – спросила Тэмми, протиснувшись через открытую дверь. Я уже минуту как лежала в постели, но всё ещё не решалась накрыться одеялом, словно как только я войду в зону комфорта, за мной сразу же приедут и выдернут с корнем из-под моего тепленького одеяльца, чтобы отвезти на растерзание к Мартину. Ужасное ощущение.

– Да, конечно, – отозвалась я, тяжело выдохнув и потеряв себе переносицу.

Тэмми тихонько, словно мышка, закрыла за собой дверь, после чего легла рядом со мной.

– Эми в подробностях рассказала всем внизу диалог с тобой. У тебя всё в порядке?

Я знала, что она задаст этот вопрос. И не потому, что была уверена в том, что Эмилия рассказала всем о моем срыве, а потому, что была уверена в том, что Тэмми хотела задать этот вопрос как только увидела меня, но тянула из-за своей нерешительности, мешающей ей последние несколько лет жить нормальной жизнью.

– Да, просто немного... – я хотела сказать “устала”, но у меня язык не поворачивался жаловаться на работу, на которой платят двадцать фунтов в час. – Просто непривычно ра-

ботать, да еще и няней.

– Ясно.

Ей и вправду было ясно. Моя младшая сестра была настолько проницательным человеком, что я была уверена на все сто пятьдесят процентов в том, что из сказанных мной слов она уже знает, что мой подопечный невыносим и что мне приходится несладко.

– Родители распереживались. Так что тебе завтра придется нелегко с ними. Хотя, думаю, этот факт поможет тебе выспаться.

– Угу. А ты как?

– Я нормально. В отеле почти никакой работы нет. Из-за холодной весны посетителей мало, но скоро должен начаться сезон туристов.

У нее и вправду всё было “нормально”. Всегда. С тех самых пор, как она “потерялась в себе”, с ней всё всегда было “нормально”. Не замечательно, хорошо, ужасно или плохо, а именно “нормально”. И меня это беспокоило. Она словно замерла в своем маленьком мирке, в котором быть горничной в местном отеле и жить с родителями куда безопаснее, чем съездить на пару часов в Лондон или сменить работу. Тэмми была неглупой девушкой и в учебе она могла бы превзойти меня, вот только ей это было не нужно. Год назад она самостоятельно выучила испанский язык лишь потому, что ей понравилось произношение женщины-туристки, остановившейся в отеле нашего города на неделю. Месяц назад

она осилила “Основные начала” Спенсера, а вчера взялась за “Илиаду” Гомера. Нет, она определенно была умнее меня, да и вообще всех живущих под крышей этого дома. Вот только для того, чтобы снова научиться дышать полной грудью, ей этого было недостаточно.

Еще пять минут мы молча лежали, после чего Тэмми отправилась к себе, а я залезла под одеяло, уже не опасаясь срочного вызова Олдриджа.

Глава 12

Все болезни от нервов. Нервы от мыслей. Все мысли от того, что нам не всё равно. А зря. Именно такой вывод я сделала перед тем, как заснуть и мне вдруг стало легче от осознания того, что мне всё равно. Всё равно, что Мартин – очередной невоспитанный наследник миллионов; всё равно, что болит бедро; всё равно, что ближайшее время мне придется работать на Олдриджа, чтобы моя семья не жила впроголодь; всё равно, что в понедельник на работу.

С утра ушиб совершенно не болел, если только я до него не дотрагивалась. А если не шевелила ногой, тогда его словно вообще у меня и не было, как, собственно, и самой ноги. Во второй раз в жизни у меня было хромоте утро. Первый раз я познала хромоту в десятилетнем возрасте из-за того, что носилась по палисаднику босиком, и меня в пятку ужалил бомбус, как выразилась на латыни бабушка. Я же кричала, что это никакой не бомбус, это “озверелый” шмель, которого я напрочь раздавила ногой. Тогда я прохромала неделю, прежде чем опухоль сошла. Однако та хромата значительно отличалась от нынешней. После укуса пятка сильно чесалась, и иногда мне было приятно прилечь на диван для того, чтобы вручить ногу в широкую ладонь отца и позволить ему тихонько почесывать место укуса или прикладывать к

нему компресс из льда с лимоном. Сейчас же мне просто хотелось не шевелиться, однако зов мочевого пузыря был куда сильнее желания скопытиться. По крайней мере, сначала мне точно нужно было сходить в туалет и лишь после думать о том, как без лишних движений отсоединить от своего тела душу. Уже с утра я была уверена в том, что к вечеру, с приближением понедельника, подобные мысли станут посещать меня чаще. Впрочем, я отлично выспалась под звуки капель дождя, ударяющиеся о моё окно, и, потянувшись, вспомнила о том, что еще перед сном решила, что я должна оставаться равнодушной ко всему, что связано с моей работой, если хочу сохранить свою нервную систему.

С утра родители отправились на очередное слушание по делу опеки над двойняшками, дедушка с бабушкой сидели в гостиной у тихо работающего телевизора и смотрели повтор программы BBC “Гиганты ледникового периода”, Эмилия еще с вечера была у Эммета, а Тэмми, вместе с двойняшками, отправилась на утренник в детский сад. Ближайшие два часа обещали быть самыми спокойными в этом доме, не считая ночей, когда все его обитатели спали.

Бабушка оставила для меня на столе еще не успевший остыть завтрак, что могло означать только одно – остальные домочадцы ушли недавно. Вся наша семья собиралась минимум один раз вместе – во время ужина. Мы ели за старым деревянным столом, рассчитанном на десять персон, что было весьма удобно, так как к нам иногда присоединялись Эм-

метт или тетя Саманта. Стол занимал почти всё пространство между лимитированной кухней и небольшой гостиной, вмещающей в себя стеклянный журнальный столик, подаренный отцу металлургическим заводом в честь его увольнения оттуда, тумбу, стоящий на тумбе телевизор и мягкий уголок десятилетней давности, состоящий из трехместного дивана и двух кресел. Когда вся семья собиралась в гостиной, например чтобы посмотреть очередную новогоднюю речь королевы или серию “Шерлока”, дедушка с бабушкой занимали кресла, родители, по праву старшинства, оккупировали диван, третье же место на диване обычно доставалось тому, кто первый успевал до него добежать. Остальные рассаживались на полу (в подобных семейных посиделках перед телевизором я всегда сидела на полу, так как не желала вступать в споры за место для своего афедрона). Таким образом, между гостиной и кухней образовался маленький коридорчик, по которому невозможно было пройти, когда за столом кто-нибудь сидел. Мне повезло – моё место было с противоположной стороны стола, возле окна, и мне не приходилось всякий раз во время ужина вставать, чтобы пропустить кого-нибудь в туалет. “Прыгучие” места достались Тэмми, сидящей с самого края у гостиной, следующим за ней Эмили, Элис и маме, расположившейся по правую руку от отца, сидящего во главе стола, спиной к кухне. Слева от папы и напротив мамы, на самом лучшем месте – спиной к окну, разместилась я, слева от меня сидел Дин, а за ним следовали

бабушка с дедушкой. Таким образом, центральное место напротив папы обычно пустовало.

Сев на свое место, я подтянула к себе сливочное масло и тарелку с не успевшими остыть булочками, и солеными рогаликами, за которыми в лавку на соседней улице, не смотря на морозящий дождь, снова сходили наши старики. Завтракать в подобной тишине мне доводилось чуть больше недели назад, когда я еще была безработной и могла себе позволить вставать попозже остальных, чтобы поесть без выслушивания очередной неразберихи в семейных отношениях.

Плотно позавтракав, я села рядом со старой гвардией нашей семьи и ушла в просмотр натуралистических передач. Примерно через полтора часа вернулись родители, бледные, как и всегда после судебных заседаний.

– Ну что там? – напряженно поинтересовалась я, отложив пульт от телевизора в сторону.

– Эта маразматичка будет приходить к нам, – пробурчал отец.

– Адвокат?

– Адвокат у твоего отца дегенератка. Отныне в нашем доме маразматичкой считается Джудит Фейн, мать Линды и всё еще несостоявшаяся бабушка двойняшек.

– Раз изначально не состоялась, значит и сейчас не состоится! – выпрямившись, сделал громкое заявление отец, словно имел власть решать подобные вещи.

Джудит Фейн была сорокачетырехлетней женщиной, с ко-

ротко остриженными волосами, слишком рано пронзенными густой сединой, которую она не пыталась скрыть даже малейшим окрашиванием. Она являлась бывшей алкоголичкой, начавшей лечение от зависимости только после смерти старшей дочери. Джудит развелась с мужем, который так и не смог завязать с зеленым змием, из-за чего регулярно наносил ей постоянные побои. После развода она переехала в соседний городок, получила жилье для реабилитированных граждан и начала новую жизнь, а её муж, спустя два года, умер от алкогольного отравления. Две её младшие дочери уехали в Норфолк к матери отца и сейчас всячески поддерживают свою мать, и её желание отобрать у нас двойняшек, от которых Джудит отказалась еще до их рождения на свет, почти шесть лет назад.

Вся соль вопроса с двойняшками заключалась в том, что Джудит Фейн вполне могла добиться полной опеки над ними, как “реабилитировавшаяся в обществе” и “начавшая новую жизнь”, законная бабушка этих детей. Мы осознавали, что с каждым слушанием наши шансы на победу постепенно тают и вот уже Джудит может посещать моих племянников, чтобы успеть привязать их к себе перед тем, как оформить над ними единоличную опеку. Это было ужасно – видеть своё поражение издалека и знать, что времени осталось немного.

– Замечательно. Нет, правда, замечательно, – рассеянно заключила мама, после чего плюхнулась рядом со мной на

диван, не собираясь вылезать из своего терракотового костюма восьмилетней давности, который сейчас выглядел великоватым на этой женщине, изрядно исхудавшей за последние месяцы. – Я приму эту Джудит хлебом-солью.

– Я предпочитаю только соль, предварительно заряженную в ружьё. Нам определенно необходимо сменить дегенерата, – начал отец, нервно расхаживая за нашими спинами. – Она ни слова не сказала в нашу защиту, когда адвокат Фейн начал доказывать, что у нас нет подходящих условий для проживания детей. Представляешь, мама, у нас нет условий! – обратился отец к бабушке. – Она начала с того, что дети живут в одной комнате, а каждому ребенку, видите ли, нужна своя отдельная спальня, тем более что дети разнополые, и закончила тем, что детский сад, в который мы водим детей, находится дальше от нашего дома, нежели садик, в который Джудит собирается отдать наших внуков. Слышишь, папа, она уже нашла для наших внуков подходящий садик! – отец мощно выругался, пока дедушка с бабушкой испуганно переглядывались, а мама, откинув голову на спинку дивана, молча смотрела в потолок.

– Неужели ничего нельзя сделать? – выдохнула я, глядя на сыплющий за окном дождь.

– Можно – сменить адвоката! И почему у этой пьянчужки адвокат лучше нашей? Откуда у нее деньги на оплату такого подкованного специалиста?

– Она ведь работает швеей, – тихо отозвалась мама.

– А я радиомехаником, Эмилия секретарем, Тэмми горничной, а Глория вообще нянькой! – воскликнул папа, и я постаралась не заострять своё внимание на том, с какой интонацией он сказал о моём месте работы (судя по всему, он перечислил наши рабочие места по рейтингу “уважения”).

– Дело не в том, кто и кем работает, – встав, вздохнула мама, – а в том, кто в каком статусе находится.

– Мы благополучная семья, – начал отец, но мама его оборвала.

– Мы относительно благополучная семья, о чем знает весь этот серый городишка (наверное, она имела в виду ошибки подросткового возраста своих детей, но я не стала на этом заикливаться). А Джудит кто?

– Кто?! – наигранно поинтересовался отец. – Пьянчужка?

– Нет. Она БЫВШАЯ пьянчужка, у которой не было рецидива на протяжении последнего года. Эта женщина имеет неплохую работу и квартиру с двумя пустующими спальными комнатами, которая расположена рядом с детским садом. Знаешь, что это значит? Что эта женщина имеет второй шанс в обществе.

– Но почему этим “шансом” должны стать именно мы? Вообще-то, наши внуки скоро в школу пойдут и им даром не нужен будет детский сад через дорогу, – парировал отец.

После этого мама нервно ударила себя ладонями по бедрам и вышла из комнаты, гулким шагом поднявшись наверх. Папа же отправился к холодильнику и, увидев в нем пове-

сившуюся мышь, раздраженно хлопнул старой дверцей.

– Не сможем мы нанять нового адвоката, а следующее слушание, если только его не перенесут, состоится уже десятого мая, – глухо констатировал он.

Глава 13

Тэмми с детьми вернулась примерно через полчаса после возвращения родителей. Мама расставляла вымытую посуду в кухонный гарнитур, отец, сидя в своем кресле, читал утреннюю газету, давно отказавшись от такой роскоши, как потягивание “выходного” пива, дедушка с бабушкой занялись прослушиванием счастливого щебетанья детей о том, как Питер Пэн (Дин) спас Динь-Динь (Элис) от Капитана Крюка (мальчика с соседнего двора). Судя по всему, постановка их сценки прошла замечательно. Во всяком случае, Тэмми обещала отличный видеофильм с участием двойняшек, сделанный ей при помощи старой видеокамеры Дэниела.

После шумного обеда родители решили устроить себе совместный тихий час с двойняшками и отправились к себе в спальню. Я последовала их примеру, оставив Тэмми со стариками напротив телевизора. Обед был далеко не сытным, а так как апрель уже подходил к концу, и в этом месяце нам пришлось потратиться на целых два заседания в суде, ужин обещал быть еще более скромным. Хорошо, что Эмилия частенько ест за счет Эмметта, а у меня появилась возможность обедать на работе, однако это всё равно не решало наших проблем.

Мысли о предоплате для меня были просто недопустимы. Вдруг Мартин разобьет еще что-нибудь? Тогда придется не работать, а отрабатывать круглосуточно в том особняке или вообще уйти к Олдриджу в рабство вплоть до совершеннолетия мальчишки. Но самое угнетающее во всей этой ситуации было то, что родители еще даже не подозревали о том, что в этом месяце мне не доплатят целую тысячу фунтов! Боюсь, для них это может оказаться слишком сильным ударом, для которого сейчас было далеко неподходящее время. Пусть для начала справятся с тем, что Джудит будет проводить время с их внуками.

– Если вас будут спрашивать, с кем вы хотите жить, вы ведь не бросите своих любимых бабушек, дедушек и тётъ? – не унималась во время ужина мама. Знакомство детей с Джудит должно было произойти в эту субботу, что сильно наэлектризовало всю нашу семью, за исключением Дина и Элис, которые не понимали, что вообще происходит.

– Одри, дорогая, если на следующем заседании в суде выяснится, что ты настраивала детей против их... Гм... Новой бабушки, – начал отец, но мама его резко оборвала, параллельно засовывая ложку с овсяной кашей Дину в рот (то же самое я проделывала с Элис, сидя напротив мамы и машинально воспроизводя её движения).

– И что с того?! Дерек, ты как дитя малое. Естественно эта Джудит будет настраивать детей против нас.

– Но ведь она не сможет этим заниматься в нашем присутствии.

– Кто такая Джужит? – поинтересовалась Элис.

– Не Джужит, а Джудит, глупая, – передразнил сестру Дин.

– Не кривляй сестру, – снисходительно потребовала Эмилия.

– Понял? – довольно улыбнулась Элис.

– Джудит – это ваша новая... – мама запнулась. Видимо она не могла произнести словосочетание “новая бабушка”, так как считала, что кроме нее иной бабушки для двойняшек в принципе не может существовать в природе, ну или, по крайней мере, в нашей семье – прабабушка не в счет.

– Это ваша новая бабушка, – закончил начатое мамой предложение папа.

– Но-о-овая ба-а-абушка?! – буквально прокричал Дин, прежде чем очередная ложка с овсянкой залетела ему в рот.

– Еще одна? – более скромно поинтересовалась Элис.

– Зачем нам третья бабушка? Нам хватает бабушки Одри и бабушки Пэт, – возмутился Дин.

– Да, больше не нужно, – подхватила Элис, которая зачастую подражала своему старшему брату.

– Правильно дети, я тоже так считаю, – взбодрилась мама и тут же изогнула бровь, словив на себе неодобрительный взгляд отца, словно мысленно бросая ему посыл: “Что?!”.

– А можно обменять эту бабушку на братика? – поинтересовался Дин.

– Или на сестренку, – подхватила Элис.

– Нет, нельзя, – отозвалась Эмилия, громко отхлебнув горячий чай, и я впервые задумалась о том, что у двойняшек ни со стороны отца, ни со стороны матери больше никогда не будет брата или сестры, так как оба их родителя погибли. Максимум двоюродные, если Эмилия всё-таки умудрится зачать от Эмметта или Тэмми решится завести отношения, что еще менее вероятно. Ну, или, в крайнем случае, я перестану быть монахиней.

– Может быть, её можно обменять на щенка? – не унимался Дин.

– Если бы можно было, я бы лично обменяла её на щенка, – ответила мама и у детей сразу же округлились глаза, так как до сих пор именно их бабушка выступала против идеи завести щенка. Собственно, никто не жаждал делить крышу нашего дома с еще одним живым существом, но общее мнение выражала именно мама, не желающая прислуживать в этом доме еще и собаке.

После произнесенных мамой слов, в глазах у двойняшек вспыхнули пылкие огоньки – они впервые получили смутную надежду затащить в дом комок шерсти. Хорошо, что мама дала им эту надежду. Теперь они точно обменяют Джудит на собаку, чего бы им это не стоило.

Наступил понедельник. Хотя утро было заволочено мягкими, белоснежными облаками, не пропускающими ни лу-

чика солнца, день, всё же, обещал быть погожим.

Я всё еще прихрамывала, хотя уже значительно меньше, что немного радовало, если что-то вообще способно было радовать человека, идущего напрямиком в тартар* (*В древнегреческой мифологии – преисподняя).

Сидя у горящего камина с девяти до десяти часов, я медленно раскачивалась в кресле, пока не поняла, что это не успокаивает, а наоборот напрягает, как иногда напрягает тиканье часов. В начале одиннадцатого курьер доставил заказанную мной еще с вечера еду, и я принялась за готовку. К этому времени за окном появилось яркое, весеннее солнце, отчего на душе вдруг стало немногим спокойнее. Все окна дома были обращены на запад, поэтому солнце в дом проникало лишь при закате и лишь при условии чистого горизонта. Но из широкого кухонного окна можно было наблюдать за золотистыми лучами солнца, заливающими сочный газон, большую часть которого занимала падающая на него тяжелым весом тень, принадлежащая особняку, возвышающемуся над домиком, в котором мне необходимо было куковать с маленьким Олдриджем.

Когда из гостиной послышались первые шаги, я выпрямила спину и поставила тарелку с супом на край стола.

– Привет, – улыбнулся зашедший на кухню Рик.

– Привет. Будешь обедать? – поинтересовалась я, на всякий случай приготовив обед на троих.

– Не откажусь, – довольно улыбнулся учитель.

Занеся порцию Мартина в его спальню, так как он отказался есть с нами, я вернулась обратно на кухню и, до конца оформив сортировку стола, села за барный стол напротив Рика.

– Тебе необходима помощь, – вдруг заметил он.

– Мне помогает Доротея.

За прошедшую неделю я неплохо поладила с этой женщиной. Она была весьма добродушной и легкой в общении, и хотя всякий раз по завершению рабочего дня я хотела побыстрее удалиться в сторону своего дома, всё же я уделяла десять минут на общение с только что принявшей вахту женщиной. Обычно она спрашивала меня о том, как в течение дня вел себя Мартин, а я всякий раз жаловалась на его отвратительное поведение. В итоге я поняла, что Доротея – единственный человек, которому я могу пожаловаться на трудности своей работы, ведь, по сути, она была моей напарницей.

– Прости, не правильно выразился. Тебе нужен совет.

– Правда? Возможно.

– Суть твоей работы заключается в проведении досуга с Мартином. Ты могла бы придумать что-нибудь интересное. Возможно, занимаясь чем-то интересным, Мартин отвлечется от своих шалостей, – слово “шалости” заставило меня мысленно усмехнуться, так как оно слишком мягко характеризовало издевательства мальчика надо мной. – Тем более Роланд предоставляет тебе автомобиль для подобных занятий и полностью их оплачивает.

– Правда? Откуда ты знаешь?

– Это должно было быть прописано в приложении к договору, ты разве не читала его? По крайней мере, предыдущая няня пыталась воспользоваться дополнительными “плюшками” со стороны работодателя, пока однажды Мартина не стошнило в салоне автомобиля и ей не пришлось за ним убирать.

– Была и другая няня? – нельзя сказать, что я была удивлена, так как изначально я догадывалась, что имела предшественников. Всё-таки на дворе стоял конец апреля, а Олдриджи, со слов Рика, жили здесь с Рождества. Должен же был кто-то всё это время присматривать за акселератором.

– Бэтти. Нервная женщина за тридцать. У нее у самой была дочь школьного возраста, на что она любила частенько пожаловаться, так еще и Мартин её доканывал. Бэтти была матерью-одиночкой, которой срочно нужны были деньги, так что она пыталась зацепиться за это место. Женщина стойко продержалась чуть больше трех месяцев, но её терпение треснуло, когда после дневной дремы она обнаружила, что мальчишка остриг ей волосы на целых три дюйма. При чем сделал это достаточно криво. Роланд выплатил рыдающей Бэтти компенсацию в виде пяти тысяч фунтов, после чего она ушла из этого дома с широкой улыбкой на лице и, в буквальном смысле, творческим беспорядком на голове.

Я мысленно содрогнулась, узнав о том, на что способен Мартин, после чего решила спрятать в дальний угол все ко-

люще-режущие предметы. Везет же Рик — Мартин не смеет его задирать так, как меня. По-видимому, всё дело в мужском авторитете.

После обеда Рик ушел, Мартин отвлекся на очередную компьютерную игру, а я начала изучать копию приложения к договору найма, которую всегда носила в своей сумке со всеми необходимыми копиями важных документов, словно чувствуя, что они могут пригодиться в любой момент — вдруг я уже через час буду писать заявление по собственному желанию и рыдать словно Бэтти?.

В дополнении к договору говорилось, что в моё распоряжение поступает хэтчбек BMW 1-series, которым я могу пользоваться исключительно в рабочее время и исключительно в рабочих целях. Полный техосмотр и обслуживание автомобиля остается за владельцем — Роландом Брайаном Олдриджем. На всякий случай отдельно была вынесена пометка: **автомобиль застрахован с декабря 20** года*. То есть если я её поцарапаю или помну, или, например, размножу на миниатюрные запчасти — с меня не вычтут. Очень мило. Вот только за рулем я в последний раз находилась в то смутное время, когда у папы еще была машина, а племянники всё еще находились в животе у Линды. Так что я прочла приложение к договору скорее из любопытства, нежели из желания воспользоваться “плюшками”, как выразился Рик.

Глава 14

Кажется, я начинала понимать тех мамочек, которые громко ругаются со своими малолетними детьми в общественном транспорте. Раньше я недоумевала, как можно повышать голос на маленького человека, который еще не успел понять, что размазывать слюни по окну маршрутки – непροстительное кощунство. Особенно непροстительное со стороны родной матери. Особенно если твоя мать забыла снять последнюю папилютку с затылка.

Когда Мартин заявил, что желает пойти погулять в палисаднике за главным домом, сначала у меня заныла нога, явно вспомнив, откуда именно прилетел злосчастный ушиб, но я решила воспринять это предложение без лишних проблем с моей стороны, так как сама была не прочь подставить своё бледное лицо под ласковые лучи весеннего солнышка. Однако когда мальчишка отобрал у садовника Якоба кусторез и обрезал им шланг для поливки крокусов, всё снова пошло наперекосяк. Прежде чем Якоб догнал хихикающего Мартина, а я выхватила из его рук острый кусторез, мальчишка умудрился вырезать целую клумбу солнечных эрантисов, напоминающих миниатюрных танцовщиц хулы. В итоге Мартин, лежа на газоне, закатывался от смеха, а я с Якобом растерянно смотрели друг на друга, видимо одновременно ду-

мая о том, с чьей именно зарплаты взыщут за испорченный шланг и искореженную клумбу.

– Наверное, у тебя большая семья, – обратился ко мне Мартин за полчаса до прихода Доротеи.

– С чего ты взял?

– У таких тупиц, как ты, всегда большие семьи. Наверное, большие семьи даются тупицам кармой, чтобы они смогли выжить и не умереть от первого же падения на садовый камень. Ставлю десятку на то, что в прошлой жизни ты была садовым гномом. Ты как раз напоминаешь мне одного из тех гномов, которых я случайно разбил в марте. Возможно ты – это гномье наказание мне, за их разбитых сородичей, – и вправду поверив в своё предположение, вздернул брови Мартин. Иногда дети умеют так драматизировать, что невольно сами начинают верить в свои выдуманные истории.

– Выходит ты – наказание мне за сломанный ноготь старшей сестры, палец которой я прищемила кухонной дверцей.

– Значит, у тебя всё-таки есть сестра. Наверняка она умнее и красивее тебя, и ты чувствуешь себя серой мышкой на фоне нее, из-за чего вы постоянно ссоритесь. Это хорошо, что у меня только Роланд...

И тут я поняла, что мальчику не хватает семьи. От Доротеи я узнала о том, что Роланд практически все свои вечера проводит с братом, что я считала немного странным для молодого человека со столь большим статусом, внушительным богатством и притягательной внешностью. Хотя, может

он жаворонок и с девицами кувыркается исключительно по утрам?

– Добрый вечер, – улыбаясь, вошла в гостиную Доротея, после чего Мартин, не удосужившись даже поздороваться, скрылся в своей спальне.

– Вы сегодня рано.

– Просто забыла о том, что мои наручные часы шалят. Нужно будет как-нибудь собраться и отнести их в ремонт.

– Как прошло воскресенье? – поинтересовалась я, отправившись на кухню за собеседницей, которая взмахом руки дала понять, что хочет со мной уединиться. Я же была не прочь поболтать с единственным добродушным человеком в этом доме, тем более до конца моей смены оставалось чуть меньше получаса.

– Замечательно, – ответила Доротея на мой вопрос, после чего на меня нахлынула волна белой зависти. Она ведь все выходные провела с Мартином!

– Как замечательно? – не поверив своим ушам, переспросила я.

– Вот так вот, замечательно. С утра Мартин хотел запустить воздушного змея, но погода была дождливой, так что мы играли в шашки. Мальчик сердился от того, что я не могла его выиграть и вскоре мы закончили игру... Он вообще со мной отказывается общаться, что меня немного удручает, однако он совершенно не создает мне проблем. Ведет себя тихо и сознательно: читает книги, сидит за компьютером,

собирает конструктор.

“Удручает то, что он молчит и тихо делает свои детские дела?! Отдала бы половину заработка за подобное счастье!”
– Мысленно раздосадовалась я.

– Самое интересное произошло во обед, – неожиданно тихо произнесла женщина, наклонившись ко мне через стол, – когда пришла Кэрол.

– Кэрол? Это та блондинка, которая нас беседовала? – спросила я и сразу же, по выражению лица Доротеи, поняла, что должна была задать свой вопрос тише.

– Нехорошо громко обсуждать личную жизнь работодателя, – заметила женщина, а я в свою очередь подумала о том, что вообще в принципе плохо обсуждать чью-либо жизнь. – Да, это та блондинка, – шепотом продолжила Доротея. – Оказывается, она – побочная дочь Кевина Вуда!

Я ничего не знала о том, кто такой Кевин Вуд, что, видимо, было написано у меня на лбу, отчего Доротея решила мне пояснить:

– Он хозяин одной из крупнейших в Англии фабрики по производству мраморной плитки, а его нынешняя жена, между прочим являющаяся пятой по счету, возглавляет какой-то популярный журнал о моде, название которого я не запомнила, так как не читаю подобного. В сумме у него пять дочерей и один сын, но ни одного ребенка от нынешней жены, хотя они состоят в браке уже четыре года. Представляешь, старику семьдесят, а его нынешняя жена младше него

ровно на три десятка! – отвлеклась Доротея и я уже ожидала осуждений вроде: “На что способны женщины ради денег”, как вдруг она совершенно неожиданно выдала. – Каков мужчина! Семьдесят, а он всё еще силен.

Я чуть не прослезилась от замечания этой любопытной женщины.

– Так вот, дом отца Кэрол расположен на противоположной стороны этой улицы. Со слов прислуг, девушка, под предлогом присмотра за отцовским домом, частенько приезжает сюда из столицы, но вся загвоздка заключается в том, что старик уже лет пять не живет в Британии – он давно переехал в Бразилию и ему глубоко наплевать на здешние владения. И как ты думаешь, зачем Кэрол приезжает сюда? – вдруг поинтересовалась Доротея, словно ответ лежал на поверхности. – Хочет заполучить старшего из наших братьев! – резко заключила женщина и я непроизвольно попыталась вспомнить, когда именно братья Олдриджи стали “нашими”.

– Ммм, – только и смогла протянуть я, всё еще пытаюсь понять, в чем суть вопроса.

– И как тебе это нравится?

– Ну, они бы неплохо смотрелись, – задумчиво ответила я, вспоминая, как элегантная блондинка выглядела рядом с Роландом в день нашего знакомства.

– Неплохо бы смотрелись?! – очевидно не поддерживая моего умозаключения, переспросила Доротея. – Они бы вообще никак не смотрелись! Во-первых – ей уже почти трид-

цать, а Роланду всего лишь двадцать шесть (по видимому Доротея была из тех женщин, которые считали разницу в возрасте достаточной причиной для окончания еще даже не успевших начаться отношений, хотя при этом она совершенно иначе отреагировала на разницу семидесятилетнего старикашки с сорокалетней бизнесвумен), во-вторых – она выше нашего Роланда на целых два дюйма (как же резало уши это странное слово “наш”!) и в-третьих – у нее отвратительный характер. Между штатом прислуг ходят слухи, будто эти двое уже встречались в студенческом прошлом и теперь блондинка хочет возобновить эти отношения. Только представь её хозяйкой этого дома. Представь “её” хозяйкой Роланда! Бедный мальчик, – хлопнула в ладоши искренне обеспокоенная женщина.

После длительного монолога Доротеи меня мучали следующие вопросы:

А) Откуда служебный персонал так хорошо осведомлен о личной жизни Роланда?

Б) Когда Доротея успела так сблизиться с этим самым персоналом?

В) Как давно она стала испытывать материнский инстинкт по отношению к работодателю?

Г) РОЛАНД ОЛДРИДЖ – БЕДНЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК??? БЕДНЕНЬКИЙ?! МАЛЬЧИК?!

Из-за подобного утверждения у меня едва не начался истерический смех, который, по обыкновению, в моем испол-

нении зачастую заканчивался слезами. Однако на сей раз я смогла себя сдержать, ограничившись лишь глухим хихиканьем. Если Роланд – мальчик, тогда я – девочка, если он – бедненький, тогда я вообще нищенка. Но я не хотела вдаваться в подробности моих умозаключений, поэтому решила поинтересоваться хоть чем-нибудь в тему, чтобы не выглядеть грубиянкой:

– С чего Вы взяли, что она метит в невесты?

– Она трижды на прошлой неделе ужинала с нами, а в воскресенье Роланд ужинал у нее!

Глава 15

Впервые я уходила из поместья Олдриджей с приподнятым настроением. Меня откровенно веселила та забота, с которой Доротея говорила о своем нанимателе. По её словам, перед ней был маленький мальчик, который еще совершенно ничего не смыслит в жизни. Впрочем, у нее вроде как была дочь, которая была намного старше Роланда, так что неудивительно, что Доротея смотрит на него сквозь розовые очки.

Всё еще широко улыбаясь (у меня даже щеки порозовели от хорошего настроения и слишком хорошего отопления), я уже надевала ботинки, когда вздрогнула от того, что обнаружила в десяти шагах от себя старшего Олдриджа. По-видимому, он давно наблюдал за мной, и наверняка со стороны я могла показаться ему глупо улыбающейся самой себе идиоткой.

– Добрый вечер, – поняв, что я его заметила, поздоровался Олдридж.

– Добрый вечер, – отозвалась я, слегка приподняв голову, и в этот момент в дверь раздался звонок. Джонатан молниеносно вылетел из соседней гостиной и направился к двери.

– Вы сегодня улыбаетесь, – заметил Роланд, с любопытством рассматривая мою фигуру. Я была уверена в том, что на его фоне выгляжу ужасно и, почему-то, это веселило ме-

ня еще сильнее. Он стоял передо мной в идеально подобранном гардеробе от Армани: черная рубашка, брюки и туфли, на правой руке шикарные коллекционные часы, которые наверняка стоят не менее пары тысяч долларов. От него пахло лучшим мужским одеколоном, его волосы, не затронутые страшно-модными прическами, были уложены достаточно ровно, но при этом создавалось впечатление, словно он до них сегодня дотрагивался только утром, и-то из-за острой необходимости почесать затылок. Я же стояла перед ним в скромном плаще пятилетней давности, который до сих пор существовал лишь за счет маминых внутренних стежков, в обыкновенных темных джинсах и купленных прошлой весной ботинках, которые я рассчитывала проносить еще минимум три сезона, прежде чем они успеют расклеиться. Волосы же у меня были далеко не искусно распущены, и пахло от меня только мной – никаких духов или туалетной воды, которая закончилась у меня еще три недели назад, благодаря стараниям трудолюбивых сестер.

Интересно, если бы я случайно разбила его часы, он бы принял в качестве расплаты мою почку? Подумав об этом, я улыбнулась сама себе, но так как в этот момент я смотрела на него, он принял мою улыбку на свой счет и из вежливости решил улыбнуться в ответ.

– Просто неплохое настроение, – пояснила я.

– Какая древность, – раздался высокомерный женский голос за моей спиной и я, приняв подобное замечание на

свой счет, не прекращая улыбаться, обернулась на входную дверь. – Роланд, ты решил украсить свой палисадник раритетным велосипедом? И сколько же он стоил? Хочу себе такой же.

– Это транспортное средство принадлежит новой няни Мартина, – заметил Джонатан, имея в виду Доротею, параллельно помогая Кэрол снять шикарный плащ от Барбери.

– А, так это Ваш, – обратилась блондинка ко мне, после чего её внимание к “раритетной” вещице резко упало. – Очень... Мило.

“Точно милее Ваших новых сисек”, – хотела заметить я, но решила не терять рабочее место из-за силикона, который принадлежал даже не мне. Я была уверена в том, что блондинка увеличила себе грудь хирургическим путем – на собеседовании её сиськи выглядели как две новогодние мандаринки. Роланд точно должен был оценить старания этой девушки!

Из-за мыслей о мандаринах я снова улыбнулась.

– Желаю вам приятного вечера, – обратилась я сразу ко всем присутствующим, после чего самостоятельно открыла себе дверь, не дав Джонатану даже шанса добраться до дверной ручки быстрее меня.

– Да-да, – хмыкнула блондинка.

– До завтра, – каким-то странно-вкрадчивым тоном отошел Олдридж, но я уже не видела его лица, так что не могу предположить, о чем он думал в момент своего ответа.

На ужин у нас был рис с тушеной фасолью. Конечно не пир, но и не худший вариант. Худший вариант ожидал нас через пару дней, когда денег ни у кого из семьи не останется, а до ближайшей зарплаты, коей являлась зарплата Эмилии, необходимо будет протянуть еще девять дней.

– Всё потому, что у нас адвокатша, а у этой Джудит хренов адвокат, – заключил отец, прожевывая разварившийся рис.

– Дерек! – возмутилась мама.

– А дедушка сказал “хренов”, – своевременно заметил Дин.

– Я же просила не выражаться при детях.

– Нет, серьезно, она совершенно не смыслит в своем деле. Ведь она адвокат, а не ветеринар, если я не ошибаюсь? Вроде как пытается защищать наши права, а отвлекается на то, чтобы заглянуть нам в рот. Точнее в карманы. Вытрясла всё до гроша и еще просит. Если хорошенько подумать, её саму можно судить, за безответственное отношение к собственной работе, вследствие чего, в буквальном смысле этого слова, страдают её же клиенты – обычные люди, имеющие несчастье связаться с этой особой. Я вам говорю, если бы она была мужиком – всё было бы в порядке.

– После данного монолога тебя самого могли бы привлечь к ответственности ярые представительницы феминизма, – заметила Эмилиа.

– Хорошо, что в нашей семье никто не страдает подобной

фигней, – жизнеутверждающе заметил отец.

– А дедушка сказал “фигня”, – заметил Дин, бесцельно гоняющий по тарелки отдельные рисинки.

– Дерек! – возмутилась мама. – Дин, перестань повторять за дедушкой всякое безобразие и начни, наконец, есть этот рис, будь он неладен, а не лепить из него замки.

– Я, например, феминистка, – вдруг заявила Эми, – просто не ярко выраженная.

– Ты сама по себе не ярко выраженная, – в точку заметила Тэмми. – Не ярко выраженная феминистка, вегетарианка, сестра. Ты в любой момент можешь быть кем угодно или не быть никем.

– Зато я не страдаю сдвигами крыши, и проблем в отношениях с парнями у меня нет, – язвительно огрызнулась Эми, на справедливое замечание сестры. Эмилия всегда жалила сестру в самое больное место, тем самым пытаясь её унижить.

– Конечно нет. Кроме одной, – вступилась за сестру я, намекая на невозможность Эмилии зачать ребенка. После моего замечания, Эми бросила вилку и резко встала из-за стола, явно давая понять, что она колоссально оскорблена. Так было всегда – Эми ударяла Тэмми во всё еще кровоточащую рану, но никто, даже сама Тэмми, не смел ткнуть носом Эмилию в её собственную боль. Никто кроме меня. Всякий раз, когда старшая сестра переходила рамки дозволенного, Тэмми замыкалась в себе, а отпор за нее давала именно я.

Эмилия ушла из-за стола “красиво”, но никто за столом

не упрекнул меня за сказанные мной слова, по-видимому прекрасно осознавая, что я права. Только мама с укором посмотрела на меня, как собственно делала всегда в подобных ситуациях, а Тэмми снова замкнулась в себе. Не представляю, как бедняга умудрялась выживать без меня в этом доме.

Глава 16

С наступлением солнечных дней в “самурайском” внутреннем дворике, соединяющем поместье и дом, в котором я работала, развесили подвесные вазоны с пеларгонией, которая только начинала зацветать красивым, малиново-алым цветом. В горшках, расположенных по углам двора, уже расцветали первые, бледно-розовые тюльпаны, а плющ на перилах, отделяющих деревянные дорожки от газона, зазеленел буквально за двое теплых суток.

Якоб, шестидесятилетний садовник, неплохо справлялся со своей работой. В один из солнечных апрельских полдней, я помогла ему установить по центру внутреннего дворика небольшой, деревянный, садовый столик и тройку шезлонгов, входящих к нему в комплект.

С наступлением мая, всё своё свободное время, которое в основном выпадало до часа дня, когда Мартин был занят учёбой, я теперь проводила не в кресле-качалке у камина, а в цветущем и пахнущем внутреннем дворе. С утра здесь было достаточно прохладно, поэтому я ютилась в его крайнем правом углу, который к половине десятого уже был залит теплыми лучами майского солнышка. К полудню же солнечный свет разрастался почти на всю территорию двора.

Я никогда не боялась, что меня здесь кто-нибудь заметит,

хотя именно этот двор соединял главный особняк с домиком Мартина. Джонатан, как и весь штат прислуг, обитал в особняке, и даже если бы он застал меня валяющейся на шезлонге, мирно читающей какой-то невероятно дорогой глянцевого журнала, который могли себе позволить выписывать лишь жители Б***-стрит, я бы не смутилась, так как проводила здесь своё время только после того, как все мои обязанности были ответственно исполнены.

Что же касается Роланда – он еще ни разу не приходил в маленький дом (за исключением того раза, когда Мартин порезал себе палец). Парень был явно не из тех работодателей, которые проверяют мельчайшую работу своих сотрудников. Он даже не хотел у меня просто поинтересоваться, как идут наши дела с Мартином (а наши дела с Мартином вообще никак и никуда не шли – они стояли). Так что я не боялась встретиться здесь с Олдриджем. Обычно приближающиеся шаги принадлежали только одному человеку – Рик приходил оповестить меня о конце своего персонального элизиума и начале чистилища для меня, по итогам которого, завтра я снова окажусь на этом же месте, в это же время. Замкнутый круг, разрываемый только выходными.

Мы с Доротеей решили, что по выходным работать будет она, так как:

А) У нее с Мартином были более терпимые отношения, нежели у меня.

Б) Деньги ей требовались не меньше моего, но часов ра-

боты в будние дни ей выпадало меньше.

В) Большую часть выходных Роланд проводил с Мартином вне поместья.

Г) С меня было достаточно и той апрельской субботы, которая выпала из моей жизни вместе с одним седым волосом.

В прошедшую субботу состоялась первая встреча Джудит Фейн с двойняшками. Мама всё утро злобно замешивала тесто, пытаясь хоть как-то усмирить свой пыл. Когда же Джудит с судебным приставом оказалась на пороге нашего дома, я сначала всерьез подумала, будто маму схватил сильный спазм, но оказалось, что это она всего лишь попыталась улыбнуться. Встреча была более чем просто холодной – она была ледяной. Всё происходило в гостиной: моложавый судебный пристав сидел на кресле; Джудит пыталась изображать нежные чувства, глядя детей по головам; дети не понимали, чего хочет от них эта странная женщина – у них уже есть две бабушки; старшее поколение стояло на входе в гостиную и, скрестив руки на груди, наблюдало за происходящим; Эмилия, не выдержав нервного напряжения в доме, еще до прихода нежеланных гостей отправилась к Эмметту; Тэмми замкнулась в себе и заперлась в своей спальне; я, заплетя высокий хвост на макушке, сидела на своем месте за столом и искоса наблюдала за происходящим, попивая остывший чай.

Нелепое свидание продлилась всего сорок пять минут, хотя на законных основаниях могло длиться целых два часа.

По-видимому, это мучение закончилось столь быстро из-за того, что в итоге женщина так и не смогла выйти на контакт с замкнувшимися в себе детьми. После ухода ненавистных гостей, отец начал вслух говорить такие слова как: “хрень”, “фигня”, “маразматичка” (в последние дни конкретно это слово в нашей семье стало звучать несколько раз на дню) и прочие неправильные слова, поэтому мама отвела детей наверх и оставила их с тётей Тэмми, которая всё еще не отошла от стресса. Суббота была полностью испорчена, но, к сожалению, это была не единственная испорченная суббота в нашей семье. На следующей неделе всё повторилось снова, только на сей раз Джудит задержалась на нашем диване на целый час и пятнадцать минут (после ухода этой женщины мама трижды пылесосила мягкий угол, чтобы окончательно стереть запах своей соперницы, хотя и выглядело это со стороны совершенно нелепо). И вот до очередного слушания, как и до моего выходного, оставалось меньше двадцати четырех часов.

День был настолько тёплым, что я могла себе позволить расхаживать по внутреннему двору в одной футболке и сильно рваных джинсах – перед выходом на работу обнаружилось, что бабушка закинула в стиральную машину все мои штаны, кроме тех, которые она хотела подлатать. Перед уходом на работу Эмилия заперла свой шкаф, как делала это всякий раз, выходя из своей спальни, так что её штаны взять было невозможно, а штаны Тэмми не подошли мне по росту

— оказались **СЛИШКОМ** низкие в талии, из-за чего на мне выглядели еще более откровенно, нежели драные джинсы. В итоге я наплевала на то, что рваные, дешевые джинсы — это слишком вульгарно для элитного дома. В конце концов, не в мокрых же штанах или в маминой старой юбке мне идти на работу!

И как назло, именно сегодня, на входе я столкнулась сразу со всеми: с Джонатаном, с которым, впрочем, вижу ежедневно, с кухаркой, садовником, горничной и Роландом. Олдридж, по словам Джонатана, как раз только что вернулся с какого-то важного совещания. Роланд был весь в брендах (не зря читалась в этом доме глянцевых журналов о моде): туфли от Прада, одежда от Дольче Габбана, швейцарские часы от Ролекс, духи от Версаче и разговаривал он как раз по последней модели айфона. На мне же были носки от прошлого сезона, футболка от старшей сестры, штаны, спасенные от бабушки, пахла я дешёвым ополаскивателем белья, а телефон у меня был, из-за недавнего падения, с отличным 3D эффектом треснутого экрана. Я выглядела как среднестатистическая девушка — не хуже и не лучше многих, но на фоне Олдриджа постоянно чувствовала себя настоящей оборванкой, отчего и старалась как можно реже пересекаться со своим нанимателем (берегла остатки самоуважения).

До тех пор, как Роланд меня увидел, он активно говорил по телефону, рассказывая кому-то подробности только что удачно подписанного контракта, но как только его взгляд

“врезался” в меня, он в буквальном смысле завис. Я шла по коридору, в сторону своего рабочего домика, и Олдридж как раз стоял у меня на пути, поэтому мне пришлось тоже остановиться. Не стесняясь, он начал рассматривать меня с ног до головы, словно забыв слушать собеседника, что-то радостно кричащего ему в ухо. Постепенно поднимая взгляд от моих носок (я нервно пошевелила пальцами ног, проверяя, нет ли на них предательских дыр) он, наконец, дошел до моего лица, после чего наши взгляды пересеклись. В этот момент я почувствовала себя так, как чувствует себя голый человек, стоя перед одетым. У меня было смутное ощущение того, что только что Олдридж раздел меня своим пристальным взглядом, отчего я почти наверняка начинала краснеть. Мысленно сравнив свои натуральные формы с искусственными формами Кэрол, я пришла к выводу, что не только моя одежда разочаровала Роланда, но и моё тело без неё. Придя к такому выводу, я сразу же вспомнила слова Тэмми, которые она адресовала мне еще в подростковом возрасте: *“Ты тот самый Шерлок, который от своих разгадок еще и пореветь может”*.

Мы с Олдриджем, наверное, с минуту молча смотрели друг другу в глаза, отчего я в определенный момент почувствовала себя провинившимся котом, порвавшим тапки своего хозяина. Не выдыхая, я, наконец, попыталась улыбнуться, чтобы хоть как-то разрядить нарастающее напряжение.

– Глория, если Вы будете ходить на работу в этих шта-

нах, – вдруг начал Роланд, не отнимая телефона от своего уха, и я почему-то сразу подумала, что он сейчас скажет что-то вроде: “Тогда у меня случится инфаркт до моего тридцатилетия”, но он продолжил другими словами, – тогда обещаю Вам льготы.

В ответ на его слова я растерянно улыбнулась. Что он имеет в виду?

– Я серьезно. Приходите в рваном – Вам очень идет. Взамен же требуйте у меня повысить Вам ставку или, если Мартин вдруг сломает руку, когда Вы будете в этих джинсах, я обещаю, что Вам всё сойдет с рук, – с абсолютно серьезным видом произнес он, после чего, прижав отстраненный мобильный к уху, продолжил своё передвижение по дому. Он говорил такие смешные вещи и так серьезно, что я не знала, радоваться или краснеть от стыда за собственный вид. Как законченный Шерлок, я пришла к выводу, что мои рваные джинсы его изрядно веселят и их вид действительно сделает его более лояльным ко мне, если Мартин вдруг реально умудрится сломать себе руку. Последующий час я была уверена в том, что эти штаны принесут мне удачу и, если я начну в них спать – мне будут сниться исключительно радужные пони.

Глава 17

В субботу, после очередного слушания в городском суде, мама лежала пластом на кровати, даже не сняв с себя свой старенький терракотовый костюм. Бабушка напоила её, отца, деда и себя настойкой валерьяны, после чего отправилась лежать к себе в спальню. На суде, в защиту нашего оппонента, выступил судебный пристав, дважды сопровождающий Джудит во время её свиданий с двойняшками. В основном он говорил только о том, что “обстановка в доме неблагоприятно влияет на контакт истца с внуками”. Всё закончилось тем, что адвокат маразматички отвоевал право встречи Джудит с детьми без присмотра со стороны нашей семьи, до окончательного решения суда. Это означало, что двойняшки, каждую субботу с одиннадцати до часа дня будут проводить время со своей новой бабушкой, что значило для нас ровным счетом следующее: дети будут неизвестно где и неизвестно с кем. Они на целых два часа будут выпадать из нашего поля зрения. Это был сильный удар.

С этого момента в доме повисло что-то душашщее, как в те дни, когда семья еще не свыклась с потерей Дэниела и Линды. Впервые мы так остро почувствовали, что детей у нас и вправду могут забрать, и произойти это может в ближайшее время – следующее слушание было назначено на середину

июня.

Наконец пришло время зарплаты. К моему огромному удивлению, с меня не вычли разбитую Мартином вазу и еще доплатили за ту субботу, во время которой я заработала себе ушиб правой ноги. В итоге так много денег в наш дом не приносил еще никто. Первым делом мы купили гуся, вторым заплатили за коммунальные услуги, третьим раздали некоторые из многочисленных долгов, а оставшиеся несколько фунтов отложили на нового адвоката, на которого сейчас не хватило бы, даже если бы мы не заплатили за свет и воду.

За всё время работы в поместье у Олдриджа я сблизилась с двумя людьми – Риком и Доротеей. Олдридж продлил Доротее рабочее время и теперь с девяти до четырех я была наедине с Мартином, с четырех до шести ко мне присоединялась Доротея, а после шести я оставляла её наедине с мальчишкой.

Сегодня же я весь день занималась лишь тремя вещами – удаляла канцелярский клей с плитки в ванной, выуживала ногой из туалетного бачка и пыталась отремонтировать сломанную Мартином швабру (к слову, у меня это в итоге так и не удалось).

– Пошли гулять, – неожиданно предложил Мартин.
– Мы только что вернулись из палисадника.
– Тупица, – тяжело вздохнул Мартин. – Мы пойдем гулять по Б***-стрит.

На “тупицу” я больше не обращала никакого внимания. Кажется, мальчик попросту забыл моё имя, напоминать же ему о нём было совершенно бесполезно – снова забудет. За прошедший месяц мы с ним ни разу не выходили за пределы территории поместья, но вспомнив слова Рика о досуге, я была уверена в том, что никаких препятствий тому нет.

– Отправимся в конец улицы, – заявил мальчик, как только мы вышли из дома.

– Окей, – согласилась я, вытянув подбородок вперед, чтобы вдохнуть свежий аромат цветущего рядом сада, который я каждый день проходила, идя на работу и возвращаясь домой. Отсюда, из-за высоких дорогих особняков, его не было видно, но я знала, что он там, за поворотом справа, из которого я появляюсь на этой улице каждый будний день.

– Знаешь, почему ты мне не нравишься? – неустанно бормотал Мартин. – Ты такая же, как все. Я имею в виду, что ты посредственная. Ничего интересного в твоём существовании нет – ты пресмыкаешься, тебе за это платят деньги и тебя всё устраивает. Как нормального человека может такое устраивать? Это из-за того, что ты безвольная...

Я давно перестала слушать трёп мальчишки, запрокинув голову и смотря на лучи уходящего солнца, окрашивающие разорванные облака в розоватый оттенок.

Улица оказалась длиннее, чем я предполагала. Мы прошли около трехсот метров от “моего” поворота и нам оставалось еще примерно столько же, когда я заметила в конце

улицы две мужские фигуры, одна из которых была мне знакома, а вторая принадлежала скрюченному старику.

– Это Роланд, он ходил к коллеге по бизнесу, – обрадовался Мартин и окликнул брата, сложив руки в трубочку у рта. По-видимому, Мартин специально вытащил меня на прогулку, в надежде встретить брата. Роланд сразу же заметил нас и размашисто помахал нам правой рукой. Инстинктивно я чуть не ответила ему взаимностью, но вовремя опомнилась и, в итоге, рукой помахал Мартин. Мальчик слегка ускорил шаг, явно радуясь появившемуся на горизонте брату, как вдруг его кто-то окликнул из двора особняка, расположенного справа. Спустя несколько секунд перед нами возник рыжий мальчик, с веснушками на носу, который был чуть старше Мартина, но значительно крупнее его.

– Гуляешь с нянькой, – ухмыльнулся незнакомый мальчишка, и я сразу поняла, что он не является другом Мартина.

– Она мне не нянька, – взъерошился Мартин, – она всего лишь прислуга брата.

– Нет, я слышал как ты называл её нянькой и тупицей, – не отставал мальчишка и я поняла, что намечается стычка. В этот момент, боковым зрением я заметила, что Роланд уже сдвинулся в нашу сторону.

– Так Вы нянька или тупица? – дерзко обратился ко мне незнакомый мальчишка и сразу же добавил. – Пожалуй, и то, и другое. Только тупица может подтирать сопли детям.

– Не называй её тупицей! – буквально взъелся Мартин,

что было для меня неожиданным поворотом. Видимо у моего подопечного было ярко выражено чувство собственности, отчего он всерьез считал, что тупицей меня вправе называть только он один и никто больше. Ну, разве что еще его брат. Ведь Мартин был от него без ума и наверняка бы пришел в восторг, если бы старшенький воспользовался его словечком в мою сторону.

– Мартин, пошли отсюда, – начала оттаскивать мальчика за левую руку я, боковым зрением видя, что Роланд не успеет дойти до нас до начала намечающейся стычки.

– Тебя тащат, как теленка, – задался смехом рыжий. В этот момент Мартин не выдержал и, вырвав свою руку из моей хватки, подошел к обидчику впритык.

– Твоя мама – бывшая стриптизерша, – обратившись к задире, вдруг выдал мой подопечный, заставив меня буквально застыть на месте. От злости у оппонента в секунду лицо залилось краской. Роланд был всё еще далеко, но уже наверняка начинал подозревать неладное. Оценивая сложившуюся критическую ситуацию, я краем уха слышала за своей спиной мотор автомобиля, приближающегося к нам на слишком большой для Б***-стрит скорости, отчего по моему телу пробежали мурашки (или они пробежали из-за сверкнувшего взгляда хулигана). Неожиданно обидчик Мартина прокричал:

– Бургес, фас!

Сначала я не поняла значения его слов, пока не увиде-

ла мчащегося из палисадника прямо на Мартина, огромного черного добермана. В последнюю секунду, когда собака чуть не вцепилась в бедро моего подопечного, я успела сунуть свою ногу между псом и мальчиком, и в итоге пес вгрызся в мою многострадальную, правую ногу. Я еще не успела осознать боль, когда разозлившийся рыжий мальчишка громко прокричал “тупица!” и изо всех сил врезался мне в живот. Только в этот момент собака выпустила меня из своей хватки, отчего я сразу же почувствовала острую боль в правой голени, после чего поняла, что падаю навзничь. Через растрепанные волосы я заметила, что Роланд Олдридж бежит в нашу сторону, как вдруг нечто справа от меня издало дикий скрежет, после чего нечто твердое ударилось в мой правый бок. Кажется, меня что-то оттолкнуло вперед, после чего я трижды перекатилась по асфальту. Последнее, что я видела – бампер красного шевроле.

Глава 18

Я проснулась в неприятно ярко освещенном помещении и сразу же услышала знакомый голос:

– Неваляшка очнулась.

Уже спустя секунду, я увидела над собой рассерженное лицо Мартина:

– Ты не могла не вмешиваться, да? Теперь все будут считать меня трусом, и всё из-за глупости няньки!

У меня в голове звенела какая-то отскочившая от мозга пружинка, а во рту стоял металлический привкус крови – кажется, я прикусила щеку. Я почти сразу попыталась встать, но с ужасом поняла, что не могу свободно пошевелить шеей. От страха у меня округлились глаза, и как раз в этот момент надо мной возник Рик.

– Не шевелись, лежи тихо.

– Что со мной произошло? – хриплым голосом, испуганно спросила я, совершенно не в силах ничего вспомнить.

– Сын популярной бизнесвумен в сфере порнографии, натравил на тебя собаку, после чего вытолкнул на проезжую часть, где его мать успешно протаранила тебя своим автомобилем. Так как скорость машины была относительно небольшой, на тебе всего лишь несколько ушибов и ссадин, которые в основном пришлись на правую сторону – сторону столкно-

вения с машиной. Врачи говорят, что ты родилась в рубашке, однако тебе всё равно придется проходить несколько дней с шейным бандажом. Еще доберман немного прикусил твою ногу, но рана, по идее, должна быстро затянуться и шрамов, вроде как, не должно остаться. Про легкое сотрясение мозга я уже говорил?

Без посторонней помощи, я смогла сесть на кушетке и, наконец, ощупать своё тело. Только теперь я поняла, что нахожусь в больнице. Правая сторона моего тела и вправду болела сильнее левой, но благодаря одежде на моей коже почти не осталось царапин. Определенный участок голени, в которую вгрызся доберман, был перемотан белоснежным бинтом и ныл не меньше, чем остальное тело. Самым неприятным из всего оказался шейный воротник. Он буквально контролировал мои движения, самостоятельно решая, с какого именно ракурса я буду смотреть на этот мир. Хорошо хоть лицо не пострадало – лишь на правом виске был едва заметный, уже обработанный ушиб, и на нижней губе справа образовался кровоподтек средних размеров, который наверняка будет проходить дольше остальных царапин.

Осмотрев себя с ног до головы, я, наконец, огляделась вокруг – небольшая больничная палата, с режущим глаза белым светом, исходящим от неоновых ламп.

Рик вышел за врачом, поэтому сейчас я была наедине с Мартином.

– Как я здесь оказалась? – нахмурилась я, снова заговорив

с легкой хрипотцой в голосе.

– Брат тебя дотащил, – брезгливо сморщил нос Мартин. – Пока он укладывал твою тушку на заднее сиденье автомобиля, который тебя же и сбил, стриптизерша бегала вокруг нас на своих десятисантиметровых шпильках и что-то страстно причитала. Она довезла нас до больницы, после чего Роланд снова возился с твоим бессознательным телом, стараясь не задеть твоей тупой башкой ни одного косяка в этой поликлинике.

Закрыв глаза, я представила, как Олдридж тащит меня до ближайшей кушетки, и сразу же поморщилась. Зрелище и вправду было неприятным – растрёпанные волосы, кровь, стекающая от виска до подбородка, висящие в разные стороны руки. Наверное, ему теперь придется сутки обрабатываться от, въевшегося в его ароматное тело, дешевого запаха меня.

Спустя минуту, вслед за Риком в палату вошел доктор. Он аккуратными движениями осмотрел мои ребра и лицо, проверил зрачковый рефлекс, подвижность суставов и пришел к выводу, что я вполне могу находиться на домашнем лечении, после чего выписал мне больничный лист на неделю.

– Неделю без те-ебя-а-а, – хитро ухмыльнулась я Мартину, на что он раздраженно хмыкнул.

На выходе из больницы нас уже ожидал Джонатан. Рик сказал ему, что самостоятельно отвезет меня домой, поэтому в автомобиль Джонатана сел только Мартин. Я хотела воз-

разить Рикку, чтобы лишний раз не напрягать его, но он был настойчивее моего папы, когда тот жаждал посмотреть скачки. Уже подъезжая к дому, я представила, что именно сейчас начнется, и закрыла глаза от предвкушения: бабушка с дедом примутся глотать настойку из валерианы, отец начнет говорить слово “хрень” и дети весело будут за ним повторять, пока не начнут тыкать в мои самые больные места пальцами, мама примется причитать, Эмилия будет рассуждать о моей неуклюжести, а Тэмми либо впадет в панику, либо уйдет в себя от испуга. Да, пожалуй, только поведение Тэмми для меня было не очевидным.

– Я доведу тебя до дома, – констатировал Рик и, прежде чем я успела отказаться, он уже открывал мне дверцу.

Доковыливая до порога, я уже слышала знакомые быстрые шаги мамы по ту сторону двери и видела любопытствующие лица детей, буквально прилипнувших к окну гостиной.

– Что с тобой?! – еще не успев до конца распахнуть дверь, выпалила мать.

– Ничего страшного. Я просто упала, – попыталась улыбнуться я, сквозь боль в правой ноге.

– Просто упала? – переспросил отец, возникший за маминым правым плечом.

– Пожалуй, это в её духе, – заметила Эмилия, высунувшаяся из-за левого маминого плеча. Зрелище было смехотворным. Казалось, будто за мамиными плечами находятся херувим и аполлион. Ну или мама была трехглавым драконом.

Только после замечания Эми, все резко перевели взгляд с меня на Рика, словно уже и забыв о моем существовании.

– Проходите-проходите, – поторопила нас мама и буквально втянула меня в дом, а за мной и Рика. – У нас как раз ужин готов.

Я была в легком шоке от развития событий, так как на тысячу процентов была уверена в том, что не горю желанием, чтобы Рик познакомился с моей родней и хотя бы краем глаза лицезрел нашу микроскопическую кухню со старой гостиной, пространство между которыми занимала столовая в виде одного, старого стола. Но родителей было уже не остановить.

– Мама, поставь на стол дополнительный прибор, – попросил отец бабушку, подталкивая Рика в гостиную. Все суетились, толкались, но в итоге благополучно усадили Рика во главе стола напротив папы, а меня, как единственную его знакомую, воткнули справа от него. Я была зла на то, что происходило, поэтому не сразу обратила внимание на то, что Рик по второму кругу всматривается в незнакомые лица, словно ища кого-то. Еле ворочая закованной в бандажшей, я аккуратно осмотрелась по сторонам – вся семья была в сборе, поэтому я решила, что мне всего лишь показалось. Через пять минут шума и суматохи, когда все, наконец, смогли совладать со своими нервами и усесться за стол, мама поинтересовалась у меня:

– Дорогая, ты не хочешь переодеться?

После кувырков по асфальту, моя тонкая толстовка была местами протертой до дыр и настолько пыльной, что её смело можно было выбивать хлопушкой. Но я не собиралась вставать со своего места, тем самым заставляя всех снова подниматься, чтобы выпустить меня из-за стола. Тем более, в таком состоянии мне предстояло возиться с переодеванием не меньше двадцати минут – за это время ужин уже закончится, а Рик поседеет. Нет уж, лучше я останусь контролировать ситуацию.

– Где Тэмми? – вдруг тихо поинтересовался папа, и только после этого я заметила пустующее напротив меня место. Проклятая шейная шина мешала увидеть даже то, что находилось у меня перед носом. В итоге Дин отправился наверх за тётей, а мама обратилась к Рику и я сразу же поняла, что если парню повезет – он покинет наш дом полуживым, если нет – тогда стоит с ним попрощаться заранее.

– Ваш мальчик очень мил, – улыбнулась мама Рику.

– Вы про Мартина? – вскинул брови Рик. – Оу, нет, он не мой. Я Рик Белл – его учитель. А Мартин мило себя ведет только с Роландом.

– Ой, – смутилась мама от всеобщей ошибки и все мгновенно заулыбались. – Мы приняли Вас за Роланда Олдриджа.

Да ладно! Серьезно?! Он совсем не похож! Хотя откуда моей семье это знать?

Давно я не чувствовала столь острого смутения. Последний раз я ощущала нечто подобное, когда Роланд застукал

меня в своем поместье в рваных джинсах.

– Нет, я такой же служащий, как и Глория, – спокойно улыбнулся в ответ Рик и, в этот момент, в комнату вошла Тэмми. Её волосы, которые отросли чуть ниже плеч, были распущены и слегка взъерошены, что выдавало тот факт, что девушка только что уютно лежала на своей кровати. Она выглядела уставшей после работы – сезон туристов начался неделю назад, и теперь Тэмми почти каждый день выглядела замученной, после регулярной уборки чужого постельного белья – но одновременно весьма милой. Видимо Дин ничего не сказал ей про нашего гостя, поэтому она, без присущего ей смущения при посторонних, пролезла через поднявшихся из-за стола членов семьи и села на собственное место, слева от Рика, совершенно не обратив на него никакого внимания. Только заняв своё место за столом, сестра, наконец, посмотрела на меня и сразу же застыла от увиденного. Я же, не имея возможности пошевелить шеей, изо всех сил пыталась глазами указать сестре на Рика, но Тэмми не реагировала, явно оцепенев от моего внешнего вида. Родные гулко болтали между собой о каком-то новом налоге и в эту самую секунду никто на нас троих не обращал никакого внимания (да что там, все уже давно забыли и думать о моём плачевном состоянии! хотя, может даже и не начинали). Ситуация была очень смешной: я, как последняя идиотка, мигала глазами в сторону Рика, чтобы Тэмми наконец обратила на него своё внимание и поздоровалась с гостем, Рик смотрел на Тэмми

и улыбался, словно ученый, увидевший ценную реликвию в виде моей сестры, а Тэмми ошарашенным взглядом уперлась в мой бандаж на шее.

– Глория, что с тобой? – полушепотом спросила она, слегка перегнувшись через стол.

– Да со мной всё отлично, – под общий гул семьи о налогах, ответила я. – Я просто неудачно упала, а так всё в порядке. Меня подвез Рик, – кивнула в сторону Рика я. Если это, конечно, можно было назвать кивком.

Тэмми, наконец, оторвала от меня взгляд, после чего посмотрела на обычно пустующее место, на которое я старательно указывала взглядом и, увидев перед собой мужчину, слегка отстранилась от неожиданности.

– Рик Белл, – улыбаясь и протягивая руку Тэмми, назвался гость, – учитель подопечного Глории.

– Тэмми, – смутившись, ответила сестра и, что меня сильно удивило, пожала его руку. Обычно она сторонилась незнакомых мужчин и прежде чем протянуть незнакомцу свою руку, долго боролась с желанием сбежать, но на сей раз всё получилось почти непринужденно, отчего я с облегчением выдохнула. Хоть Тэмми сегодня и не подвела, мне всё еще было за что переживать. Например, за то, что Дин вдруг вспомнит о своей диарее и не начнет рассказывать о ней во весь голос.

– Тэмми, ты без проблем пожала руку неизвестному тебе молодому человеку, – вслух заметила Эмилия, отвлекшись от разговора с дедом, что сразу же заставило меня напрячь-

ся. Только язвительности со стороны Эми мне не хватало! – Хороший признак. Обычно ты шарахаешься мужчин, которые пытаются узнать у тебя который час.

– Эми, прекрати, – прошипела мама, но было слишком поздно, Тэмми уже опустила глаза в тарелку, что означало, что на контакт с окружающими она больше не собирается выходить.

– Значит, Вы учитель Мартина, – начал папа, обращаясь к Рiku. – Как же Вы нашли это место?

– Очень просто. Мы с Роландом друзья по университету. После получения диплома бакалавра, Роланд ушел в свободное плавание, а я остался в Кембридже. По окончании магистратуры я хотел идти в аспирантуру, но по некоторым причинам отменил свое решение. В этот момент я случайно пересекся с Роландом, который, по стечению обстоятельств, искал преподавателя для своего младшего брата. В итоге я снял квартиру в этом городе, утром занимаюсь обучением Мартина, а со второй половины дня работаю над собственным проектом.

После волшебного слова “Кембридж”, все присутствующие за столом мгновенно замолчали и только Дин продолжал панически икать. По-видимому, для семьи тот факт, что перед ними сидит не просто выпускник Кембриджа, но сам магистр, был стрелой в самое сердце. Для Рика было обычным делом рассказать кусочек из своей биографии – ничего особенного или сверхъестественного, но для нашей семьи

Кембридж ассоциировался со словами “корона”, “победа” и “успех”. С минуту все молчали и это постепенно начинало напрягать. Все были шокированы ученостью Рика, я же только его возрастом. Выходит, что ему, как и Роланду, двадцать шесть, но при этом он выглядит на два-три года старше Олдриджа. Уйдя глубоко в свои размышления о возрасте Рика, я запоздало поняла, что его пора спасать. Молчание за столом затянулось настолько, что Рик выпрямился в струнку, смотря в выпученные глаза отца и явно прокручивая в мыслях только что сказанные собой слова, ища в них непроизвольную ошибку.

– Значит ты магистр, – невольно ляпнула я, что выглядело еще более нелепо из-за неподвижности моей шеи.

– Ой, как это здорово, – заулыбалась мама.

– Мальчик умён, – пробубнил себе под нос дед, после чего встретил понимающий вздох от бабушки.

– Он что, болен? – поинтересовалась с детской непосредственностью Элис, явно не до конца понимая значения слова “магистр”.

– А у меня понос, – вдруг ляпнул Дин, то ли из гордости, то ли из рано развитой мужской солидарности, и я сразу же захотела провалиться под землю. Рик из последних сил пытался сдержать свой смех, за что сейчас я была ему искренне благодарна.

– Дин, прекрати, – нахмурилась мама, после чего обратилась к Элис. – Нет, дорогая, магистр – это умный человек.

– Значит я магистр? – изогнув брови в удивлении, поинтересовалась девочка. – Бабушка сказала, что я весьма неглупая, только плохо управляемая.

– Ты тираннозавр, – вмешался Дин, брызнув смехом.

– Сам ты динозавр, – возмутилась Элис, и за столом снова начался хаос, наконец позволивший Рiku с облегчением выдохнуть и вернуться к своей картошке.

– А кем работают Ваши родители? – не унималась мама и, когда словила на себе мой неодобрительный взгляд, она, словно оправдываясь, красноречиво изогнула свою левую бровь: “А что я такого сказала?”.

– Отец кардиохирург, а мать кандидат лингвистических наук.

И снова тишина.

– А братья или сёстра у Вас есть? – Поинтересовалась бабушка.

– Я единственный ребенок в семье.

– И где живут Ваши родители? – встрял отец.

– В основном в Лондоне.

– В основном? – не отставала папа.

– Иногда они проживают в Нью-Йорке, – ответил Рик, явно начиная подозревать, что говорит что-то совершенно из ряда вон выходящее. Наверное поэтому он сделал хитрый ход и решил перевести всё внимание с себя на собеседника. – А Вы чем занимаетесь?

И понеслось! Сначала Рик узнал все подробности того,

как работают вальцовщики стана горячей прокатки, потом все прелести работы радиомеханика. Затем начался десяти-минутный рассказ мамы о хлопотах домохозяйки, бабушка с дедушкой вдавались в подробности жизни среднестатистических пенсионеров Англии, Эмилия рассказывала о суровых буднях секретарши, а дети хвастались достижениями в садике. На вопрос же о том, чьи это дети, отец ответил, что старшего сына и хорошо, что как раз в этот момент Дин подавился морковным соком. Все отвлеклись на закашлявшегося и забрызгавшего стол ребенка, и забыли рассказать о тяжелой травме семьи.

Во время ужина я постоянно на кого-нибудь косилась и пыталась отдернуть неловкие моменты, например папино любимое слово “хрень” и дедушкины смешки по поводу застрявшей в зубах Эми зелени. Это было тяжелое застолье. Конкретно для меня.

Все уже давно отужинали, когда папа по новой начал рассказ о металлургическом заводе, на котором он трудился в годы своей молодости, и всё понеслось заново, словно хорошо заевшая пленка. И только Тэмми молчала. В момент же, когда все отвлеклись на чихнувшую недажеванной печенкой Элис, Рик вдруг обратился к нашей тихоне:

– А Вы чем занимаетесь?

У младшей сестры неожиданно загорелись глаза – к ней еще никто не обращался на Вы, тем более магистр! Я вдруг обрадовалась ожившей сестре, которая даже позволила се-

бе скромно улыбнуться и готова уже была дать ответ, когда Эмилия всё испортила.

– Она у нас уборщица в местном отеле, – надменно произнесла старшая сестра.

– Не уборщица, а горничная, – с вызовом вступилась за младшую я.

– Какая разница, ведь это одно и то же, – снова потускнела Тэмми.

– Замечательная работа, – неожиданно произнес Рик, обращаясь к смотрящей в свою тарелку Тэмми. Сестра от удивления подняла на него взгляд. – Здесь есть несколько знаковых достопримечательностей, из-за чего этот городок весьма популярен среди туристов. Вы наверняка контактируете с людьми из разных стран.

– Да-да, – подхватила я, изо всех сил пытаюсь поддержать Тэмми. – Тэмми за прошедший год самостоятельно изучила испанский язык, лишь из-за знакомства с одной интересной особой из провинции Валенсии.

– Правда? – заинтересованно спросил Рик у Тэмми.

– La sonrisa es la ilusión ideal. Nadie nunca sabrá, que es lo que realmente se esconde debajo de ella* (*Улыбка – идеальная иллюзия. Никто и никогда не узнает, что на самом деле под ней скрывается), – улыбнувшись произнесла Тэмми, словно пытаюсь доказать, что она не обманщица и на самом деле хорошо владеет языком.

– Cree en ti mismo con tanta fuerza, que el mundo no pueda

evitar creer en ti también*, (*Верь в себя с такой силой, чтобы весь мир не мог не поверить в тебя), – неожиданно ответил Рик, и Тэмми сразу же порозовела от осознания того, что её поняли.

– О чем вы говорите? – не выдержала Эмилия.

– Вы тоже знаете испанский? – восхитился отец, обратившись к Рику.

– Чуть хуже, чем французский.

– Это восхитительно! Глория несколько лет углубленно занималась французским в университете, но так и не смогла достичь того уровня, которого в домашних условиях добилась Тэмми с испанским всего за год, – загордился своей младшей дочерью папа, а у меня в голове сразу же зазвучал довольный голос Мартина, констатирующий тот факт, что я действительно являюсь тупицей, отчего мне вдруг стало стыдно перед Риком за свои скромные успехи в французском. – Честно говоря, ни у кого в нашей семье нет такого одаренного разума, как у моей малютки Тэмми, – убедительно продолжал отец. – Вы бы видели, как она рисует!

– Папа, прекрати, – окончательно смущенная, Тэмми явно хотела провалиться под землю.

– Ой, кажется, мне нужно какать, – заявил Дин, и я поняла, что мой корабль самоуважения только что потерпел крушение. Как оказалось, Рик является другом Олдриджа, так что теперь мой работодатель узнает всю подноготную о моей семье и заставит Джонатана обрабатывать комнаты освежи-

телем воздуха сразу после окончания каждого моего рабочего дня.

Глава 19

Самыми мучительными, после мелкого столкновения с машиной, для тела являются первые сутки, когда всю ночь спишь в неудобной позе, чтобы лишний раз не вызывать боли в определенных частях тела, а с утра не понимаешь, почему ты пингвин. Бандаж так сильно мне мешал, что уже на третий день я запротестовала и, вопреки протестам бабушки, освободила свою шею от удавки. Каждое утро и каждый вечер я обрабатывала синяки и мелкие царапины маминой настойкой, так что уже к концу недели у меня остался лишь один единственный шрам от укуса на ноге, который обещал исчезнуть минимум к концу месяца, и мелкая ссадина на нижней губе справа. Папа утверждал, что раны на мне всегда заживали как на собаке, но я скорее чувствовала себя кошкой, имеющей девять жизней за пазухой.

– Только не любезничайте с этой тётей, – давала инструкции двойняшкам мама, параллельно причесывая короткие волосы Элис. Сегодня была первая суббота, во время которой Джудит без нашего присмотра проведет время с нашими детьми. Вся семья была как на иголках, а Эмилия даже выдвинула теорию, согласно которой двойняшки по ДНК принадлежат больше к семейству Пейдж, нежели Фейн, так как

дети точно скопировали основные черты Пейджей, унаследовав шоколадный цвет волос, овальную форму лица и красивый тип пальцев. Они и вправду были больше похожи на Дэниела, нежели на белокурую Линду, однако они не переставали быть частью своей матери.

Ровно в одиннадцать часов в нашу дверь раздался короткий звонок, барахлящий уже вторую неделю к ряду. Дверь открыл папа, после чего мужественно передал двойняшек нашей новой родственнице, которую мы упорно отказывались признавать. На сей раз, мама была рада тому факту, что с Джудит пришел судебный пристав. Естественно он пришел, чтобы констатировать факт бесконфликтной передачи детей из рук в руки “на временное пользование”, как выразился отец. Однако мама была убеждена в том, что он приставлен не к нам, а именно к Джудит, чтобы проследить за тем, что эта женщина не навредит детям и не будет их настраивать против нас.

Следующие полчаса мама металась на кухне, перемывая то, что было вымыто еще вчера вечером, папа молча читал утреннюю газету, сидя в своем кресле, Эмилия, Эмметт и Тэмми отправились за покупкой нового платья для Эми (Эмметт иногда баловал свою возлюбленную подобными штучками, а Тэмми любила наблюдать за примерками сестры, поэтому зачастую соглашалась пройтись с Эми по супермаркетам), а я с бабушкой и дедушкой смотрели повтор “Голос Британии”.

Ровно в половину двенадцатого дверной звонок снова прохрипел и мама, громко кинув свою любимую кастрюлю в раковину, буквально бросилась к двери.

– Наверняка эта маразматичка уже успела что-то натворить, – разгоряченно выпалила взбудораженная женщина, и я сразу же побежала за ней, оставив на диване в гостиной стариков, не успевших отреагировать на произошедшее.

– Приве-е-ет! – улыбаясь до ушей, прокричала тётя Сэм, увешанная разнообразными дорожными сумками, после чего широко раскинула свои руки для объятий.

– Сэм, – растерянно выдохнула мама, после чего они обнялись.

– Как поживает моя дорогая племянница? – обратилась ко мне через плечо мамы тётя.

– Нормально, как она может поживать? – ответила за меня мама, затагивая в дом чемодан своей золовки.

– Иди сюда, я тебя обниму, – сказала Сэм, после чего стиснула меня в своих, по обыкновению сильных, объятьях. – Замуж еще не собираешься?

– Хотя бы одна из троих, так даже Эмилия всё никак не справиться с поставленной задачей, – выдохнул появившийся в коридоре отец.

– Бра-а-атец! Как ты? – сняв с себя многочисленные и, очевидно, нелегкие сумки, обняла отца Сэм.

Я уже говорила о том, что у бабушки с бабушкой кроме отца не было больше детей. Но так как эта семейная пара

всегда мечтала о большой семье, они решили взять опеку над сиротой. Когда моему отцу было двенадцать, они удочерили семимесячную Саманту. О её настоящей семье совершенно ничего не было известно, так как она являлась подкидышем к женскому монастырю. Саманта была на полтора дюйма выше меня, с голубыми глазами и натуральным рыжим цветом волос, которые густыми лентами опускались на её изящные лопатки. Её образ можно было воссоздать из основных черт внешности Эми Адамс и некоторых штрихов Сары Каннинг – она словно застряла где-то посередине.

Отучившись на этнографа, сразу после университета, Саманта начала колесить по миру эконо-классом, финансируя свои путешествия за счет собственных монографий и статей, частенько занимаясь во время путешествий мелкими подработками. Папа шуточно называл её “Самым Интересным Семейным Инстаграмом”, в сокращении СИСИ, за что частенько получал выговор со стороны мамы или затрещину со стороны самой Сэм. Её живой характер не позволял ей сидеть на одном месте дольше пятнадцати минут – рыжей обязательно нужно было что-то делать или куда-нибудь спешить. В свои тридцать восемь Саманта выглядела на все двадцать семь и обладала очень красивой фигурой, которую она умело подчеркивала выгодно подобранным гардеробом. Например, сейчас она была в джинсах с низкой посадкой, украшенными широким поясом, и футболке с красивым декольте, которая слегка приоткрывала её идеально плоский живот.

Уже спустя полчаса после прибытия Саманты, все присутствующие были одарены разношерстными подарками из загадочных стран – последние три месяца Сэм провела в Камбодже, Вьетнаме и Японии. На некоторое время мы даже отвлеклись от того, что двойняшки сейчас находятся под присмотром чужой женщины, но вскоре мама снова впала в отчаяние. Приезд Саманты был как нельзя кстати. Её обожали все и её присутствие благоприятно влияло на маму, так как Сэм была единственным человеком, который был способен выслушать собеседника ни разу его не перебив.

– Лучше до прихода Эмилии и Тэмми определиться с моим спальным местом, чтобы не возникали трения, – мудро заметила тётя, которая в этом сексуальном теле больше подходила на роль моей еще одной сестры. – Я могу расположиться здесь, на диване в гостиной. Или доставайте свою раскладушку с чердака и засовывайте её в спальню к девчонкам.

– Вот еще! – возмутилась мама. – Ты будешь спать на бывшей кровати Глории.

– Воу-воу-воу, Глория, ты съехала от родителей? У тебя появился бойфренд?

– У меня появилось спальное место в кладовой.

Глава 20

Дети задержались на три минуты, что окончательно вывело маму из себя. Она считала недопустимым, что Джудит самостоятельно расширяет рамки времени, назначенного для нее судьей. Теперь на суде этой лжебабушке точно не отвертеться, ведь судебный пристав стал свидетелем задержки!

Когда двойняшки рассказали родителям, что Джудит собирается подарить им щенка, мама покраснела от ярости и отправилась на кухню, чтобы успокоить нервы повторным ополаскиванием посуды, что в итоге закончилось сразу тремя разбитыми стаканами.

На следующее утро я, папа и Сэм парковались на ежегодной сельхозярмарке, которая располагалась в одной миле на север от города. Она проходила дважды в год: весной и осенью. Весенняя ярмарка считалась “бедной”, а осенняя “богатой”, так как к осени фермеры могли предложить покупателям в десять раз больше, нежели весной. Весной здесь в основном продавались изделия ремесленников, саженцы плодовых деревьев и животные – поросята, ягнята, козлята... Нас интересовали щенята.

Папа отказался “просто взять и проглотить брошенный маразматичкой вызов” и, заняв у друга небольшую сумму денег, а заодно и страшный, старый пикап, сколоченный из

нескольких разных моделей-собратьев, втиснул нас в автомобиль. И вот мы уже тряслись по сырому полю (ночью прошел дождь), остро ощущая собственной задницей каждую неровность под колесами старой рухляди, параллельно пытаясь не придавить друг друга. Однако, папе было глубоко наплевать как на то, что скорость нужно было бы поубавить, как и на то, что пикап рассчитан на ДВУХ и никак НЕ НА ТРЕХ человек. Уже когда отец начал парковаться, я поставила Сэм ультиматум по поводу того, что на обратном пути я отказываюсь сидеть между кроликом Роджером и Джессикой Рэббит*, как сейчас, и переберусь к окну (*Мультипликационные персонажи детективных нуар-романов о кролике Роджере, созданных писателем Гэри Вульфом, а также последующих комиксов, киноадаптации и мультсериалов).

Мы припарковались с такими душераздирающими звуками мотора, что, кажется, на нас обратили внимание все и каждый на этой ярмарке. После этого я была более чем уверена, что если бы в момент нашей парковки участники ярмарки вдруг узнали, что мы приехали за щенком, нас бы попросту закидали мелкими собачками, только чтобы мы свалили отсюда поскорее и подальше. Ощущение было ужасное, но вскоре все перестали на нас пялиться, занявшись своими делами, и мне стало немногим легче.

Хорошо, что тётя Сэм оказалась куда более предусмотрительнее меня с отцом, и буквально заставила нас надеть резиновые сапоги. Но если папе и Саманте достались нормальные

экземпляры сапог, цвета болотной тины, то я огребла маминны сапоги, в которых она проводила работы в своем палисаднике. Я была не против маминой обуви, но я была категорически против Свинки Пеппы, которую так обожали двойняшки, и презирала я. Естественно мама приобрела их в своё время лишь потому, что они продавались по бешеной скидке – кому в здравом уме придет идея приобрести по нормальной цене сапоги тридцать восьмого размера с этой свиньей, когда можно обойтись нормальным вариантом?.

В короткой розовой ветровке Саманты (которую рыжеволосая заставила меня одеть, считая, что она мне очень идет – я в очередной раз была с ней не согласна), в рваных выше колена джинсах (которые бабушка отказывалась стирать, не признавая “рваной” моды, из-за чего мне частенько приходилось ходить именно в рваных штанах, так как остальные ежедневно полоскались в стиральной машине), и в этих дурацких сапогах, я чувствовала себя едва ли не круче Мистера Бина* (*Персонаж английского комедийного телесериала).

Чтобы хоть немного раскрепоститься, я расстегнула ветровку, дабы показать всему миру единственную нормальную тряпку на мне – тёмно-салатовую майку на широких bretelках. Смотря в боковое зеркало дряхлого пикапа, я оттянула декольте и сразу же почувствовала себя сексапильной валькирией, так как грудь у меня была что надо. Это заставило меня задуматься над тем, как же мало мне необходимо для того, чтобы пройти извилистый путь от Мисте-

ра Бина до сексопильной валькирии и, поправив распущенные волосы, я самодовольно отправилась вслед за Сэм и отцом. Не пройдя и пятидесяти метров, эти двое вскоре забыли о цели нашего приезда на ярмарку, с головой уйдя в разнообразные работы ремесленников. Не в силах оторвать их от изысканных деревянных изделий, я в одиночку отправилась в сторону животных звуков. Пройдя мимо загона с двумя жеребьями, клеток с кроликами и коробок с желтыми цыплятами, я наконец нашла место продажи щенков. Мама умоляла купить чихуахуа или что-нибудь еще более мелкое (она даже была не против выдать двойняшкам джунгарского хомячка за щенка веймарской легавой), но здесь продавались лишь анатолийские овчарки, бобтейлы, золотистые ретриверы и бернские зенненхунды. Остановившись напротив деревянного ящика с дюжиной зенненхундов, я начала наблюдать за их возней и буквально сразу влюбилась в этих красавчиков. Улыбаясь самой себе, я начала гладить теплые комочки и ждать, пока хозяин этих очаровашек появится у прилавка.

– Выбираете щенка? – раздался знакомый бархатный голос где-то справа от меня, и я сразу же вздрогнула от испуга. Обычно такие голоса принадлежат только аристократам. Мама же говорит, что у сливок общества даже кожа словно соткана из солнечных лучей, в отличие от посредственных людишек.

Резко обернувшись, я увидела старшего Олдриджа всего

в паре шагов от себя и, из-за его спины, тут же выскочил младший.

– На лице не осталось и царапины, – будто самому себе, глухо констатировал Роланд.

– Натиралась маминой настойкой, – растерявшись, ляпнула я.

– А я больше люблю бобтейлов, нежели зенненхундов, – задорно щелкнул пальцами Мартин, после чего ушел от нас в противоположную сторону, тискать щенков добродушного старика, который параллельно продавал выводок утят.

– Как себя чувствуете? – наверняка больше из вежливости, нежели из любопытства поинтересовался Олдридж.

– Уже лучше. Только небольшой шрам на ноге остался... – произнесла я и тут же осеклась. Блин! Я неосознанно привлекла его внимание к своим дурацким сапогам и сейчас он буквально сверлил их своим взглядом! Я спрятала правую ногу за левую, словно пытаюсь скрыть хотя бы половину своего позора, и решила побыстрее его отвлечь от моих ног. – Думаю, до конца мая пройдет. Завтра я уже буду на рабочем месте.

– Замечательно, – утвердительно кивнул головой Роланд, словно совершенно не сомневался в том, что в конце мая на моей бледной коже не останется и следа от несчастного случая. – Шейла Хиггинз готова возместить нанесенный Вам ущерб, чтобы не поднимать шум.

– Вы это мне? – спустя несколько секунд переспросила я и

сразу же почувствовала себя полной дурой, когда Олдридж своим соколиным взглядом встретился с моим овечьим.

– Шейла Хиггинз – мать толкнувшего Вас мальчишки, хозяйка напавшего на Вас добермана и водитель шевроле, которое Вас протаранило.

– А-а-а... – словно проблеяла я, начиная чувствовать себя законченной идиоткой. Однако я до сих пор не могла понять, что именно этот высокообразованный мужчина пытается мне объяснить.

– Я снял показания с её видеорегистратора прежде, чем она догадалась их удалить. На нём в ярчайших красках записан весь инцидент. Она бы и хотела шумихи, чтобы привлечь внимание к своей персоне, вот только понимает, что этот эпизод может не только очернить её, и без того не белоснежную репутацию, но она также рискует в итоге потратить кучу времени и средств на свою защиту в суде. Она прекрасно осознает, что это дело для нее, с вероятностью в сто процентов, изначально проигрышное. Так что я без проблем выбил из нее определенную сумму, в виде компенсации за умышленный ущерб Вашему здоровью со стороны её сына и непреднамеренный с её стороны.

Слушая Олдриджа, я чувствовала себя законченной идиоткой – я ведь даже не подумала о том, что могу предъявить кому-то какие-то обвинения. Снять запись с видеорегистратора было слишком просто и одновременно слишком гениально. Я бы до такого точно не додумалась. Наверное, эта

стриптизерша заплатит мне сумму, примерно равную половине моей зарплаты, или даже целую зарплату! Я определенно должна была сказать Роланду спасибо за его участие, но вместо этого почему-то зависла, глядя на кобальтовую пуговицу его сапфировой рубашки, которая красовалась у его мощной шеи. Внезапно мне захотелось сделать два шага вперед, чтобы застегнуть эту никчемную пуговицу, которая была изысканней всего моего гардероба вместе взятого, и, наконец, спрятать его феерическую, мужскую шею!

– Ну, что тут у нас, – раздался совсем близко за моей спиной отцовский голос, выведший меня из состояния транса, и по моей спине сразу же пробежали мурашки. – Комнатных крыс-переростков здесь не продают (крысами-переростками или мутирующими белками, папа любя называл собак мини-атюрных пород).

Я обернулась и увидела отца, который, остановившись возле щенков бернских зенненхундов, умудрился не обратить совершенно никакого внимания на Роланда.

– Зенненхунды? Весьма не хреновая порода, скажу я тебе дочь, – обращаясь ко мне, начал гладить щенков папа. – И раскраска у них получше, чем у анатолийцев. Хотя фиг с ней, с этой раскраской, всё равно твои племянники к концу недели перекрасят их в пурпурных зебр-единорогов. Слышь, парень, по какой цене продаешь? – обратился отец к стоящему рядом Олдриджу, и моё сердце мгновенно упало в левую Свинку Пеппу моей ноги.

– Пятнадцать фунтов, – решил подыграть Роланд, отчего я окончательно потерялась.

– Они что, бракованные? – отдернул руку отец от подозрительно дешевых щенков.

– Нет, просто это благотворительная акция...

– Благотворительная акция – это хорошо, – не удосужился дослушать Роланда отец и тут же обратился ко мне. – Особенно для нашей семьи, да, дорогая? Тут и думать нечего, нужно брать, пока цена не поднялась. А я-то думал, что мы разоримся на этих щенках. Будь они неладны, эти непредвиденные расходы! Слушай, парень, как тут определить, кто есть кто? – взяв в свои руки одного щенка и перевернув его на спину, отец снова обратился к Роланду. – Мне нужен один кабель и одна сука. У меня внук-сорванец и одна внучка-сорванка, так что... По такой цене нужно брать двух – если наша мама сильно расстроится, всегда можно будет выгодно перепродать второго.

Кажется, земля под моими ногами начинала гореть, а Свинка Пеппа плавиться – мне буквально хотелось испариться в пространстве!

Не выходя из образа продавца-фермера, Роланд невозмутимо подошел к ящику и спокойно выбрал двух разнополых щенков.

– А-а-а, – понимающе протянул отец, – у кобелей колокольчики, а у самок другая хрень.

– Именно, – не сдержавшись, улыбнулся Роланд.

– Держи свои тридцать фунтов, – сказал отец, засунув три потрепанные десятки с Елизаветой в выглаженный карман Роланда. – Хорошо поработал! Сразу видно – человек знает толк в своем деле, правда дочь? Не то что ты – приходишь домой после работы, запираешься в душе и рыдаешь в нем по полчаса от перенапряжения.

– Папа, это не так! – умоляюще воскликнула я. Кажется, мое лицо к этому моменту уже было пунцовым. Отец остановился напротив ретриверов и, не обращая никакого внимания на моё состояние, продолжил:

– Ты права. Если бы я был девчонкой, и мне бы пришлось бросить учебу в университете, чтобы устроиться нянькой из-за того, что моя семья не способна самостоятельно решить свои финансовые проблемы, я бы точно рыдала. А ты нет, ты как истинная Пейдж, взяла всю волю в кулак и еще ни разу не пожаловалась, хотя моё отцовское сердце убеждено, что этот твой работодатель настоящий узурпатор.

– Папа, не надо, – взмолилась я.

– Ты бы видела себя в конце каждого своего рабочего дня! – уже войдя в кураж и уходя со щенками на руках, отец продолжал свою мощную речь, по-видимому думая, что я иду за ним. А я с места не могла сдвинуться от стыда и, уставившись взглядом в такую родную спину отца, всем телом чувствовала на своем лице заинтересованный взгляд Роланда, стоящего справа от меня! – Ставлю сто фунтов на то, что молокосос, за которым ты присматриваешь, издевается над

тобой, а его старший брат, который наверняка еще и извращенец, ничего с этим не делает. Надеюсь, что он хотя бы не пристаёт к тебе. Хотя я был бы не против, чтобы ты вышла замуж за какого-нибудь миллиардера. Тогда бы у твоей бабушки появился бы хоть какой-нибудь лучик надежды на новый тонометр, который в ближайшее время ей не светит. Всё-таки хорошо, что бобтейлы не стоят дешевле зенненхундов, иначе пришлось бы покупать их, а твоя мама точно бы не одобрила подобное количество шерсти...

Это был провал по всем статьям. Я, пунцовая с головы до Свинки Пеппы, тарасилась в спину отца, а в ушах у меня колотила наковальня, словно сердце готовилось вытечь через перепонки.

– Я не подозревал, что Вы так устаете, – пытаюсь подавить то ли улыбку, то ли негодование, отозвался Роланд, как только папа скрылся за ближайшей торговой палаткой.

– Я не устаю, – только и смогла выдавить я, мимолетом встретившись взглядом с Олдриджем, чтобы понять, о чем именно он сейчас думает, и тут же отвела глаза, поняв, что он из последних сил пытается не сорваться на смех. Тяжело вздохнув, я ясно осознала, что моя репутация в доме Олдриджа навсегда испорчена папой и Свинкой Пеппой. Как дальше работать на него? Нет, не правильный вопрос. Как вообще дальше жить в городе, в котором живет ОН? Я мысленно начала составлять варианты законной миграции на Дальний Восток, когда Олдридж вдруг произнес через смехок:

– Расслабьтесь, всё в порядке.

– Конечно в порядке, но только у Вас, – неожиданно резко ответила я. – Это просто ужасно! То, что Вы услышали. Забудьте, пожалуйста!

– Хорошо, – улыбался белоснежными зубами Олдридж.

– И не вздумайте подумать, что я нищенствую.

– Хорошо.

– И не поднимайте мне зарплату.

– Хорошо.

– И не разговаривайте со мной на территории Вашего дома.

– Хорошо.

Выговорившись, я с незначительным облегчением выдохнула, снова уставившись на ящик со щенками.

– Я правильно расслышала? – вдруг ткнула указательными пальцами в мои бока незаметно подкравшаяся ко мне сзади Сэм. – Ты сказала “не разговаривайте со мной на территории Вашего дома”? То есть это и есть твой бойфренд? А где он живёт?

– Нет! – подпрыгнув на месте, вскрикнула я от неожиданности.

– И как он в постели? – шепотом поинтересовалась рыжеволосая, но так, чтобы её вопрос услышал и Олдридж.

– Саманта! – возмутилась я, едва не кипя от силы своего позора.

– Значит, вы еще не переспали?! – еще более громким ше-

потом, с вызовом поинтересовалась моя тётя, в наигранном изумлении выгнув правую бровь.

– Сэм, ты всё портишь! Это мой работодатель! – к моему горлу подступил комок негодования, когда я увидела саркастическую и самодовольную улыбку Олдриджа, однако я не собиралась плакать. Только не здесь, не сейчас, не из-за родни и не при нём!

– Значит, ты не против, если я им займусь, – заговорческим тоном произнесла моя тётя и, отбросив свои шикарные, золотисто-огненные волосы, сделала два шага в сторону Роланда. – Саманта Пейдж, молодая тётя Вашей подчинённой, – наигранно страстно произнесла рыжеволосая.

– Очень приятно, – улыбался Олдридж, – Роланд Олдридж, извращенец и узурпатор.

По тону собеседников я поняла, что эти двое на одной волне. Они словно ставили сценку, специально разыгрываемую для меня.

– Знаете, Вам стоит повысить зарплату моей племяннице хотя бы за её милую улыбку. Можете объездить всю Британию на своем бентли – подобной ей не встретите. Глория, дорогая, улыбнись. Хотя, нет... Не стоит сразу разрушать весь мой песочный замок... Сколько он тебе платит в час? Сколько Вы ей платите, за её услуги? – Перевела взгляд на Роланда Сэм и мне вдруг показалось, будто она слишком двусмысленно произнесла слово “услуги”.

– Двадцать фунтов, – продолжал улыбаться Роланд.

– Сколько?! Дорогая, ты должна только и делать, что улыбаться, чтобы отрабатывать эти деньги. Какой милый мальчик, – перевела своё внимание Сэм на подошедшего Мартина, вернувшегося с другого конца ярмарки.

– Сама такая, – буркнул себе под нос мальчишка.

– Хотя нет, знаете, всё-таки Вы определенно должны повысить ей зарплату, – смотря на Мартина сверху вниз и, наигранно натянуто улыбаясь, заключила Сэм.

– Всё, нам пора! – не выдержала я и, взяв Саманту под руку, потащила её вдоль деревянных коробок со скулящими щенками. В этот момент подошел настоящий хозяин щенков и спросил, что нас интересует.

– Мы только что купили у Вас двух щенков, – ответил Роланд.

– Не он, а я. Я купила мальчика и девочку. Какова стоимость щенков? – доставая кошелек из внутреннего кармана ветровки, поинтересовалась я и чуть не обомлела от названной суммы. – Сколько?! И это только за одного?! Сэм, у тебя есть деньги?

– Нет, но это не важно, так как твой... Гхм... Работодатель. Он уже расплачивается иии... Делает это долларами, – констатировала Сэм, нагло облокотившись локтем о моё плечо.

– Вычтите из моей зарплаты, – злясь от беспомощности, едва не срываясь на крик, заявила я.

– Как скажете, – вдруг повернулся ко мне Олдридж и его

лицо оказалось буквально в нескольких дюймах от моего. Вдохнув его терпкий одеколон, я резко развернулась, вдруг почувствовав, что кончиками волос задела его лицо. Взяв под руку многозначительно улыбающуюся Саманту, я быстрым шагом отправилась на поиски отца.

– Лучший истеблишмент*, которого мне когда-либо доводилось встречать, – выдохнула Сэм (*Правящие, привилегированные круги общества, а также вся система их власти).

– Как будто ты встречала многих. Возможно, он единственный.

Глава 21

Наступил солнечный понедельник. Я и раньше не была в восторге от приближения к особняку Олдриджа, но сегодня я вообще еле передвигала ногами в его направлении. Однако мне повезло, и я смогла проскользнуть в свою часть дома никем незамеченной, за исключением Джонатана, каждый будний день встречающего меня у главной двери.

По обыкновению, я погрелась на солнышке во внутреннем дворике, приготовила обед на троих и ожидала наступления часа дня.

– Привет. Как твои дела? – заулыбался Рик, с которым я не виделась с момента нашего совместного ужина в компании моей семьи.

– Нормально, – ответила я, наблюдая за тем, как Мартин невозмутимо садится за стол и начинает есть приготовленный мной суп. До этого момента он отказывался вкушать то, что я ему готовила, но, по-видимому, за время моего отсутствия Доротея испортила его вкусовые рецепторы своей готовкой настолько, что мальчишка перестал брезговать даже моей пюрешкой. Сделав вид, будто я ничего не заметила и ничему не удивилась, я села чуть поодаль от мальчика. Мы отообедали в полной тишине, а когда Мартин ушел в гости-

ную, я шепотом обратилась к Рикку:

– Что это с ним?

– После того, как ты вступилась за него, Мартин стал относиться к тебе с большей лояльностью. Хотя, думаю, это из-за его вчерашнего серьезного разговора со старшим братом, в котором Роланд еще раз подробно объяснил Мартину, что именно ты для него сделала и как он должен к тебе относиться, если не хочет быть наказанным. Видимо, мальчик пытается изменить политику в отношении тебя.

“Роланд может наказывать этого ребенка?” – удивленно подумала я, прежде почему-то считая, будто старший Олдридж только и делает, что позволяет своему младшему брату всё и сразу, совершенно не прибегая к таким радикальным методам воспитания, как наказание.

Не знаю, можно ли считать это попыткой изменения политики мальчика по отношению ко мне, но Мартин отказывался со мной общаться, совершенно не реагируя на мои вопросы. До четырех часов дня мы провели досуг в компании друг друга в крошечной тишине, но вдруг к нам пришла добрая фея-крестная Доротея и рассекла полотно нашего молчания своей лучезарной улыбкой. Она явно была довольна тем, что на прошлой неделе смогла подзаработать кучу денег, хотя и укорялась тем, что сделала это за счет моего больничного. Как будто это она на меня одела шейный бандаж, честное слово!

– Доротея, а ты знала, что у нашей тупицы большая се-

мья? – спросил Мартин, когда мы сидели за столиком на каменной террасе, расположенной сразу за панорамным окном гостиной, и наслаждались теплым ветерком, в то время как мальчишка что-то рисовал в своем блокноте.

– Нет, не знала, – отозвалась женщина.

– Мы с Роландом видели её папу и тетю вчера на ярмарке. Они покупали щенков для племянников Глории, а это значит, что у нее есть еще брат или сестра. Я ставлю на сестру.

– У тебя большая семья? – поинтересовалась Доротея.

– Да, – отозвалась я, нежась на деревянном шезлонге, застеленном мягким матрасом. Сощурившись теплому солнышку, я начала загибать пальцы. – Дедушка с бабушкой, папа с мамой, тётя, старшая сестра, я, младшая сестра, племянник и племянница. Итого десять человек плюс два щенка.

– И они все терпят тебя?! – в искреннем изумлении изогнул брови Мартин.

– Да, Мартин, они отличаются ангельским терпением, которое тебе, к сожалению, не присуще.

– И вы все живете в одном доме?

– Именно.

– А какой у вас дом?

– Двухэтажный, но места в нём маловато для такой большой семьи, как наша. Иногда приходится пропускать друг друга в коридоре или занимать очередь в душ... Еще во время ужина нам приходится вставать со своего места, что-

бы дать протиснуться только что пришедшей частичке нашей семьи между стеной и вставшим человеком, – разоткровенничалась я, совершенно забыв о том, что Мартин может рассказать всё своему старшему брату. В конце концов, Олдридж всё давно мог узнать от посетившего нас на прошлой неделе Рика, тем более уже ничто не сможет затмить инцидента на ярмарке. При этом Мартин впервые слушал меня с неподдельным любопытством.

– А как вы назвали щенков?

– Балто и Герда.

– В честь знаменитого сибирского хаски и героини сказки Андерсена?

– Именно.

– У меня болит голова. Всё из-за твоей болтовни, – неожиданно пожаловался Мартин. – Лучше полежу, а-то мушки перед глазами начали летать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.